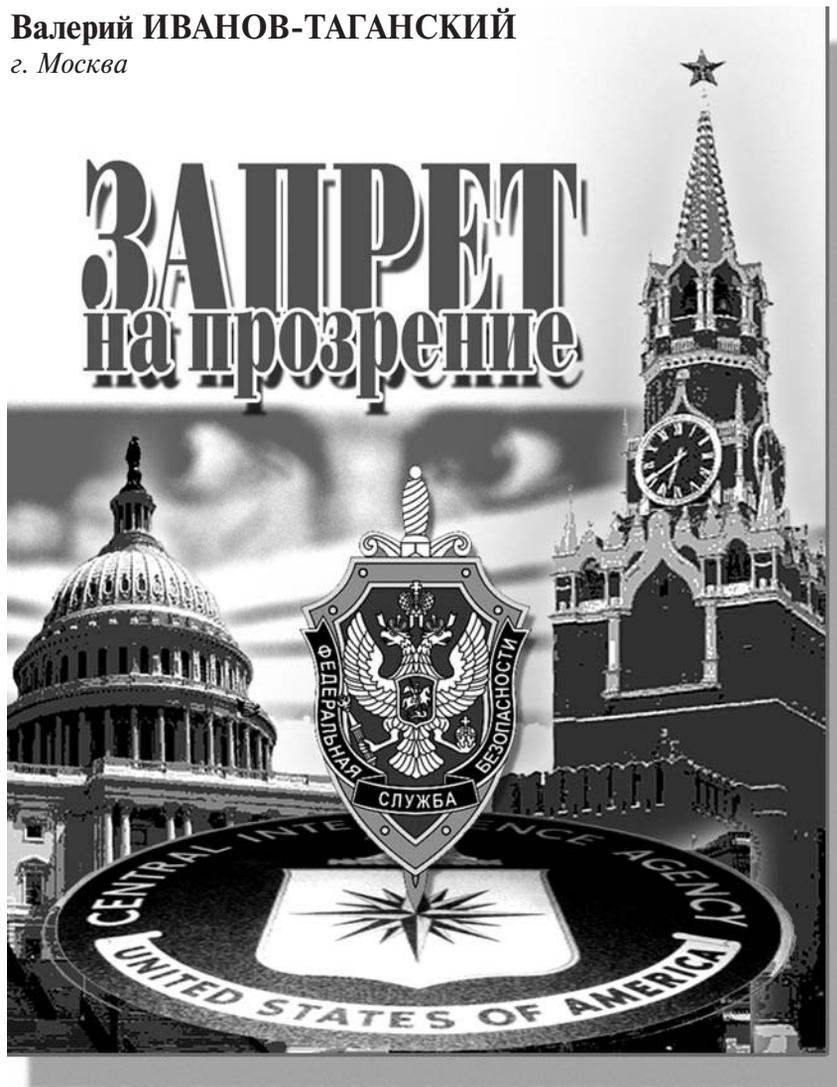

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

г. Москва

* * *

Звонок Евгения Евгеньевича застал Газина в постели. Вторую неделю его мучили боли в пояснице. Пережив в прошлом году инфаркт, могучий Газин, тем не менее, не утерял оптимизма и мужественно боролся со всеми недугами. Последнее время, кажется, наступила полоса стабильности: и в делах, да и со здоровьем стало лучше. И вдруг эта поясница.

В доме было жарко, душно, на столе валялись таблетки и куча невымытых тарелок. К тому же были включены все телевизоры, которые громко работали в разных комнатах. Вот-вот должны

были приехать жена Марина и сын Сашка, чтобы навестить отца, который, не желая никому докучать во время болезни, предпочел жить на даче, в Ледово. Газин с трудом встал с постели, убрал звук телевизоров и стал внимательно слушать соседа. Узнав, что появилась незнакомая машина и к тому же где-то неподалеку сидит снайпер, Газин, чувствуя ответственность за ледовских жителей, решил вмешаться. Когда по ходу рассказа Евгения Евгеньевича Газин достиг соответствующего возмущения, у него не только прошла боль в пояснице, но и появился план:

— Жень, я все понял. Во-первых, надо, чтобы они себя обнаружили. За что их брать, если с их стороны нет никаких действий. Один сидит в машине, другой расположился на дереве. А если они ботаники или пчеловоды? Их надо спровоцировать, вот тогда я зайду сзади и приставлю к заднице мою двустволку. В этом месте по канаве я

могу очень близко подобраться. Если сын Маркова не трусит, пусть как-то проявит свое присутствие. Так они отвлекут снайпера от меня. Пусть он, в конце концов, начнет стрелять. Вот тогда мы его за жопу возьмем по всем правилам. Но перед этим хорошо бы эту машину вывести из строя. Нельзя позволить им сорваться отсюда.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Евгений Евгеньевич, довольный настроением соседа.

— Так тебе все и расскажи. Значит, так, ты

* Продолжение. Начало в № 3-4, 5-6 за 2010 г.

следи за снайпером и давай мне сигнал, если он вдруг заметит меня

— Какой сигнал? У меня флажков нет.

— По мобиле звони. Если все в порядке — один звонок, если меня заметили — два. Договорились? И говори ребят, чтобы они начали отвлекать этого охотника. Иначе он развернется и вы меня не досчитаетесь. Понял?

Газина в этих местах многие хорошо знали. О нем шла молва как о выпивохе, но и как о замечательном инженере и автомеханике. При всей буйности и непоследовательности своего характера он отличался одним качеством — бесстрашием. Приехавшим жене и сыну он ничего не стал объяснять и, спрятав под старый плащ свою двустволку, незаметно вышел из дома. Рядом с соседним домом играл шестилетний Алешка, племянник соседки Тамары. Газин окликнул мальчишку и тихо объяснил ему задачу. Они вместе незаметно подошли к тому месту, где под деревьями стояла машина. Видно было, что водитель, откинувшись на сиденье, задремал. Газин из-за дерева направил ружье в сторону передней двери и дал сигнал Алексею. Мальчик тихо подполз к машине и спустил заднее колесо. Газин стал жестом звать его назад, — мол, достаточно! Но мальчик на этом не успокоился и стал спускать все остальные шины. В конце концов, машина тихо осела, но водитель даже не шелохнулся. Газин потрепал по голове мальчишку и отправил его домой, пообещав зайти с подарком.

Потом он спустился в овраг и пошел в сторону дома Маркова. Вдруг в кармане у него зазвонил мобильный.

В трубке звучал голос Евгения Евгеньевича:

— Видел тебя перед спуском в овраг. О том, что ты просил начать шмон, передал. Сказали, что-нибудь придумают.

— Больше не звони, — тихо ответил Газин, — только в крайнем случае, если меня заметят.

— Понял. Буду следить. Патроны не отсырели? — шуточно спросил Евгений Евгеньевич. И вдруг Газин вспомнил, что он второпях не взял патроны. Пошарив на всякий случай в карманах — вдруг завалились, он с ужасом признался:

— Забыл!

— Тогда возвращайся! — закричал в трубку Евгений Евгеньевич.

— Поздно! — тихо ответил Газин. — Была не была. Будем брать так.

* * *

Тем временем Кузнецов и Кирилл заканчивали мастерить чучело. Подспорьем стал кожан капусты, на который натянули капроновый чулок, напялили на эту болванку откуда ни возьмись подвернувшийся парик, используемый когда-то в новогодних представлениях воспитанниками Валентины, и в результате получилось нечто похожее на голову. Затем ко всему этому приделали вешалку, нацепили на нее светлый, испачканный в желтой краске пиджак, и получился вполне приемлемый мужской силуэт. По завершении работы над чучелом вновь позвонил Евгений Евгеньевич.

— Газин подошел совсем близко к объекту, — докладывал сосед. — Но у него нет патронов.

— Как нет? — с недоумением спросил Кирилл.

— Забыл! — с горечью констатировал Евгений Евгеньевич. — Он уже за спиной снайпера. Вижу его седую голову, выглядывающую из канавы, и выдвинутую двустволку. Теперь ваша очередь. Надо отвлечь, чтобы Газин подошел поближе. Вы готовы?

— Да, мы готовы! — твердо ответил Кирилл и дал сигнал Кузнецову. Они переместились на второй этаж. Владимир Игнатьевич, попластунски подобрившись к краю окна, перехватил у Кирилла чучело и медленно продвинул его вдоль окна. Кирилл набрал телефон Евгения Евгеньевича и спросил:

— Ну что? Шевелится? Есть реакция?

— А вы уже маячите? — с тревогой спросил сосед.

— Да один раз показались.

— Давайте еще раз. И не отключайте телефон. Я буду говорить, что он делает.

Кирилл опять передал чучело в руки Кузнецову, и тот, лежа на полу, начал опять проводить его вдоль окна.

— Заметил! — заорал в трубку Евгений Евгеньевич. — Внимание, он целится в вашу сторону.

Инстинктивно почувствовав опасность, Кузнецов и Кирилл сделали паузу и медленно стали повторять то же «упражнение», только теперь в

обратную сторону. Получалось, что человек возвращается, вновь проходя мимо окна. Тут звякнуло стекло, раздался громкий щелчок, а чучело буквально вырвалось из рук Кузнецова и ударилось в противоположную стенку комнаты. Невооруженным глазом видно было, что в капрановом чулке появилась дыра, из которой вылетели куски капусты.

— Внимание! — закричал в трубку Евгений Евгеньевич. — Газин перешел в атаку. Он сзади, держит снайпера на мушке. Ура, бандюган бросил винтовку. Надо что-то делать, Газин один не справится!

Схватив оставленный на проходе пистолет Кузнецова, Кирилл мгновенно слетел по лестнице со второго этажа, пробежал по комнате, подцепил на ходу удлинитель и, не останавливаясь, бросился наружу. Перемахнув через забор, он кинулся в сторону деревьев, где находился Газин. Ноги скользили по октябрьской жиже, но, не теряя равновесия, он мчался к заветному дереву. Еще усилие — и он рядом. Без звука Кирилл опрокинул спустившегося с дерева преступника на землю, заломил руки и стал быстро специальным узлом связывать снайпера. Стянув с лица задержанного резиновые очки, Кирилл увидел перепуганное, злобное, но знакомое лицо старого врага. Это был уйгур по кличке Тигр. Мечь привела его через всю Россию в Москву, и здесь он наконец попался, причем попался в руки совсем не профессионала, а человека просто храброго и рискованного, сумевшего с помощью незаряженного ружья переиграть опытного бандита.

— Где второй? — задыхающимся голосом спросил Кирилл.

— Второй в машине, спит, — кивнул Газин в сторону опушки.

Бросив Газину конец шнура, Кирилл ринулся в указанном направлении. Через минуту он подбирался к вышедшему из машины китайцу, который в недоумении рассматривал спущенные колеса.

Не сбавляя темпа, Кирилл ринулся к шоферу, и тот, перепугавшись, почему-то упал на колени и, высоко подняв руки, стал высоким голосом что-то выкрикивать на непонятном языке.

В этот момент на дороге появилась машина, которую трудно было не узнать. В джипе были

Глухов и еще три человека. Кирилл, тяжело дыша, передал людям Глухова задержанного шофера-китайца. Через минуту улыбающийся Газин, счастливый и вполне здоровый, покрикивая на уйгура: «Пошел, пошел!» — доставил к машине связанного снайпера и его винтовку. Рядом с сияющим от радости Газиным уйгур был похож на дикого стреноженного жеребца. Его глаза злобно сверкали, когда Кирилл стал рассказывать Глухову о задержанном преступнике.

Московская бригада приехала, когда операция была уже закончена. Посадив арестованных в джип, Глухову ничего не оставалось, как только начать составлять протокол. Во время общей суеты, сбора вещдоков, накачки спущенных колес машины раздался телефонный звонок. Кириллу показалось, что звонит Валентина, и он сразу же стал делиться:

— Валентина, мы их взяли

Но в трубке раздался другой голос.

— Кирилл Вадимович, вы ошиблись. Это не Валентина, а Виктория Сергеевна. У меня срочное дело к вам, а вы, оказывается, на бюллетене.

— Кто вам сказал?

— Я позвонила вам на работу и попала на Глухова. Он и сказал.

Кирилл посмотрел на суетившегося перед отъездом Глухова и ответил:

— Какое имеет значение, что сказал Глухов? Если бы знали, Виктория Сергеевна, как я рад вашему звонку.

— Правда? — слышалось в трубке. — Я тоже рада. Тем более у меня к вам срочное дело. Но я так поняла, что вы не в Москве.

— Да, я не в Москве. Я — на даче. Только что закончили операцию, и мне позволено два дня отдохнуть.

— Но это дело не терпит отлагательств. А отдавать в руки Глухова этот материал я не хочу.

— У меня сегодня нет сил приехать в Москву, дорогая Виктория Сергеевна. Пожалейте меня, я только что арестовал двух преступников, один из которых на той неделе напал на меня около дома.

— Какой вы молодец! — с восхищением прозвучало в трубке. — Хорошо, а если я к вам приеду? Где вы находитесь?

— Далеко. Около Оки. Девяносто три километра.

— Вы там один?

— Нет, нас здесь несколько человек.
 — Я вам не помешаю?
 — Да что вы, Виктория Сергеевна. Наоборот, вы будете украшением нашего стола.
 — Вы собираетесь праздновать задержание преступников? — с нескрываемым восхищением воскликнула Виктория Сергеевна.
 — В известной степени, да. Надо отметить, чтобы с новыми силами вернуться к нашим делам.
 — Может быть, и я доживу до того момента, когда вы освободите Алексея Петровича?
 — Я все сделаю для этого, Виктория Сергеевна. Не сомневайтесь!
 — Хорошо, я приеду, и мы отметим ваш успех. Тем более у меня есть хорошее мясо. Можно будет сделать барбекю или шашлыки.
 — Я не верю своим ушам. Неужели вы серьезно? — чуть не запел Кирилл.
 — Диктуйте адрес, иначе еще одно слово и я откажусь от поездки.
 Кирилл продиктовал адрес и объяснил, как найти их дом в деревне Ледова, что на границе с Тульской областью.
 Вскоре две машины — джип и спортивный «Порше» — были готовы отправиться в дорогу. В джипе на заднем сиденье находился под охраной уйгур, а в поставленную на ход «карака-тицу», как с ходу прозвал машину китайца Газин, посадили второго арестованного. Один из прибывших сотрудников завел «Порше» и поехал впереди джипа. Вскоре обе машины мелькнули на дороге и скрылись за поворотом. Сразу после отъезда Глухова и арестованных Кирилл позвонил Валентине и кратко рассказал, как прошла операция.
 — Ну, хоть теперь ты можешь ходить не оглядываясь? — взволнованно спросила Валентина.
 — Да, могу, — ответил счастливый Кирилл. Узнав от Валентины, что звонил отец и что для него есть дополнительные сведения по делу Самарина, Кирилл тут же попросил, чтобы она обязательно перезвонила в Германию и узнала, в чем дело.
 — Отсюда не дозвонишься, — объяснил он. — Скажи ему, что, если у него будет возможность позвонить сюда или завтра мне на работу, я буду благодарен.
 — Не беспокойся, я сейчас ему позвоню. Так ты уже завтра на работу? — расстроилась Валентина.

— Да, завтра. Дело не терпит отлагательства, Валуша.
 — Береги себя, Кирилл. Москва не идет тебе на пользу. Ты совсем не поправляешься.
 — Сегодня у нас будет шашлык, так что я обещаю тебе съесть как можно больше.
 — Кто же это вас так балует? — на всякий случай спросила Валентина, но Кирилл промолчал. «Пора иметь собственные секреты», — решил он.

Как ни хотел Газин еще побыть в мужской компании, но жена, узнав от соседского Алешки о подвигах мужа, приказала немедленно лечь в постель. Газин распрощался с Кириллом, Кузнецовым и подошедшим Евгением Евгеньевичем и пошел к своему дому. На полдороги его перехватила «Лада» сына и повезла Газина дальше.

Сообщение Кирилла о том, что к ним придет женщина, вызвало у Кузнецова и Евгения Евгеньевича прилив энтузиазма. Кирилл и Кузнецов стали готовить стол, а Евгений Евгеньевич принялся рубить дрова для шашлыков. Чуть позже Кузнецов пригнал свою «Волгу» и врубил на всю катушку радио. Полились песни и романсы в исполнении любимого Кузнецовым Сергея Яковлевича Лемешева. Когда наконец-то машина Виктории Сергеевны подъехала к даче Марковых, то находящиеся навеселе мужчины встретили её импровизированным почетным караулом.

С приездом женщины застолье приняло более цивилизованный характер. Виктория Сергеевна потребовала скатерть, выставила на стол разные соленья и привезенные с собой продукты. Появились вино и сок с минеральной водой. Но главное, замаринованное для шашлыков мясо. Вскоре знакомый запах шашлыков распространился по всему дому и округе. У мужчин по мере приготовления шашлыков невероятно возрос аппетит, поэтому, когда сели за стол, здравицы сыпались в адрес Виктории Сергеевны одна за другой. Когда выяснилось, что и Кузнецов, и Евгений Евгеньевич живут в браке без венчания, Виктория Сергеевна с грустью заметила:

— И мой первый брак был «канцелярским» — расписались, и этого показалось достаточно. С Алексеем Петровичем мы обвенчались в Риге, в Русской церкви. И это дает мне надежду, что Господь не оставит нас в разлуке.

Кирилл вновь пообещал, что сделает все от него зависящее, чтобы найти профессора Самарина. Чтобы увести молодую женщину от тяжелых размышлений, Кирилл стал расспрашивать о сыне Виктории Сергеевны и тут же поделился впечатлениями о недавнем бое молодого Игоря Козловского в боксерской секции «Динамо». Оказалось, что все мужчины помнят знаменитого Алексея Козловского, и пожелали сыну Виктории Сергеевны повторить успехи отца. Неожиданно Евгений Евгеньевич с горечью заговорил о детях — что не любят ездить на дачу, не помогают и что все хозяйство приходится поддерживать вдвоем с женой. К разговору о детях подключились все. Потом перекинулись на другие темы. Вспомнили не только о кризисе и дороговизне, но и о годах советской власти. Начались сравнения, подсчеты и сопоставления.

— Признайте одно, — неожиданно попытокнул эти сравнения Евгений Евгеньевич, — такого дачного воровства в Союзе не было. А сейчас просто хоть криком кричи. Каждую третью дачу в нашем районе обчищают. Вон у нас химики на краю Ледова живут, — махнул Евгений Евгеньевич в сторону дачи химиков, — так их каждые три месяца методически обворовывают. Они с упорством обреченных все покупают заново — телевизор, холодильник, электроинструменты, разные шкафы и прочие «стиралки», но наступает момент, и их снова начисто обирают. Перед последним ограблением они договорились со специальной охраной, заплатили бешеные деньги, так эта охрана на сигналы о грабеже приехала с часовым опозданием.

Виктория Сергеевна заметила, что именно по этой причине они не стали строить дачу, а решают вопрос отдыха другим способом, просто выезжают куда-нибудь на отдых и живут либо в машине, либо в палатках или просто у знакомых.

— Я поэтому и сегодня легко сорвалась, — призналась она, мимоходом взглянув на Кирилла. — Потому что привыкла к кому-нибудь ездить в гости.

Было заметно, что Виктория Сергеевна очень рада, что выбралась за город. Благодаря постоянному вниманию Кирилла настроение её было ровным и даже веселым. Она оказалась хохотушкой и не боялась острых анекдот-

тов, которые один за другим рассказывал быстро захмелевший Кузнецов.

Однако стало темнеть, и Виктория Сергеевна, извинившись перед всеми, предложила Кириллу посмотреть тот материал, который она привезла. Они расположились в угловой части кабинета за компьютерным столиком — любимым местом старшего Маркова. Из небольшой кожаной сумки она достала целлофановый пакет, в котором оказалось всего девять страниц, исписанных мелким почерком. Страницы были помечены. На первой странице крупными буквами было выведено слово — «план».

Кирилл включил настольную лампу и стал медленно читать, изредка обращаясь к Виктории Сергеевне за разъяснениями. Один абзац его заинтересовал своим коротким подзаголовком: «Неизбежность диктатуры».

— О какой диктатуре тут идет речь? — спросил он, оторвавшись от текста.

Виктория Сергеевна взглянула на текст через плечо Кирилла и, увидев отмеченную скобками фамилию Майкла Хоссудовски, сказала:

— Еще со времен пребывания в Америке у Алексея Петровича были непростые отношения с этим человеком.

— А кто он?

— Он эксперт, политический аналитик, который в первое время в Америке очень обхаживал Алексея Петровича, используя его способность к просчитыванию политических событий. Когда Хоссудовски понял, что у Самарина особый дар, он начал выкачивать из мужа под разными предлогами любую информацию и выдавать за собственные прогнозы. Алексей Петрович вскоре это понял и несколько раз этого Хоссудовски наказал, дав неверную информацию. Тот попал в неприятную ситуацию и стал буквально преследовать Алексея Петровича. Каково слететь с политического олимпа и перестать быть оракулом?! Однажды Алексей Петрович, будучи в большом возбуждении на одной из дискуссий, в которой участвовал и Хоссудовски, проговорился о возможном нападении на башни-близнецы. Никто на это не обратил внимания. Мало ли в Америке болтают о терактах и исламистских заговорщиках. Но Хоссудовски как никто знал, что у Самарина ничего не бывает случайно. Через два дня Хоссудовски вскользь упомянул в

одном интервью крупной газете о возможном нападении на эти самые башни. Когда через несколько дней это действительно случилось, Хоссудовски стал первым политологом в США. Вот когда он буквально стал преследовать Алексея Петровича, но уже при помощи спецслужб. Одной из причин, из-за которых Самарин вынужден был уехать из США, была и эта. А почему здесь пишется о неизбежности диктатуры, я не знаю. Возможно, Самарин знал о сроках введения этой диктатуры. Трудно сказать. В книге он упоминал, что еще с 2003 года в Штатах разработаны детальные процедуры на случай введения чрезвычайного положения.

— Скажите, мог Хоссудовски стать инициатором охоты на Самарина?

— Не знаю. Слишком это жестоко. Ведь они были одно время очень близки.

— Хорошо, а если поставить вопрос по другому: мог Хоссудовски «проговориться» о том, что Самарин со своим даром очень опасен?

— Не знаю. Это возможно, если он читал рукопись Алексея Петровича. Но рукопись читали единицы.

— А по интервью в «Московском комсомольце» он мог о чем-то догадаться?

— Мог. Мне кажется, что Хоссудовски выискивал любой материал, выходивший из-под пера Самарина.

— А что это за обозначения: «Мм, Дж и Г», после заглавия — «Дельфийский оракул или ожидаемая катастрофа»?

— Это я не могу понять. Может быть, это названия глав или какие-то обозначения, а возможно, под этим кроется что-то совсем другое. Я привезла эти листочки, потому что здесь отчасти есть то, что потом появилось в книге.

— Книга писалась по этому плану, или были внесены коррективы?

— Книга получилась другой. Но что-то реализовано и из этого плана.

Виктория Сергеевна встала, прошлась по кабинету и заглянула за штору.

— Смотрите, как потемнело. Надо собираться. Что я еще могу добавить? Честно вам признаюсь, Кирилл Вадимович, Алексей Петрович далеко не всем делился со мной. Он знал, что все его предчувствия могут повлиять на людей. Поэтому он был очень осторожен, запрещал себе любые

комментарии, если это могло принести кому-то несчастье. А после одного случая, когда мы повздорили, он и вовсе старался обходить важные темы. Жалел нас. Кому хочется знать, что его ждет впереди? — либо самоуверенному наглецу, либо сумасшедшему. Нормальный человек знает, как опасно искушать судьбу и забегать на поле, где властвует Всевышний.

— А из-за чего вы повздорили, если не секрет? — оторвавшись от чтения, спросил Кирилл.

— Кирилл, вы все-таки неисправимый «почемучка»!

— Простите, больше не буду.

— В принципе, это была шутка. Однажды я, читавшись разных книжек, сказала, что аморально несколько раз выходить женщине замуж, потому что по закону телегонии после первого партнера, который на 80 процентов оставляет свой генетический код в женщине, преступно обворовывать других мужчин. Алексей Петрович принял это на свой счет и в сердцах сказал, что не исключено и мне еще раз выйти замуж. Я устроила скандал. И запомнила это надолго. Позже мы обвенчались в Риге и больше к этой теме не возвращались. Однако после того случая он стал меньше делиться со мной. А после венчания и вовсе не касался опасных тем. Так было легче и правильнее. Он не хотел нагружать нас с Игорем своими проблемами. Мы за это были ему благодарны. Любое знание о будущем — противозаконное вторжение в настоящее. Люди, знающие об этом больше других, опасны, если не одухотворенны. Впрочем, мне надо ехать, Кирилл Вадимович. Не люблю я водить машину в такое время. И так я у вас задержалась бог знает сколько. Спасибо вам, — она протянула руку, и ее ладонь легко скользнула по руке Кирилла. — Мне понравилось у вас, — огляделась она, словно прощаясь. — И друзья ваши приятные люди. Особенно Евгений Евгеньевич. Видно, что он замечательный человек. Дай Бог, чтобы его детки почаще к нему приезжали. Ну что, мне пора! — Виктория Сергеевна улыбнулась и на минутку замерла, вопрошающе глядя на Кирилла.

— Я вас провожу, Виктория Сергеевна. А эти страницы вы могли бы на некоторое время оставить у меня?

— Конечно, только с отдачей, как говорили о сочинениях в школе.

Они вернулись на кухню, и Виктория Сергеевна дружески попрощалась с дозревшими до соответствующей кондиции Кузнецовым и Евгением Евгеньевичем. Выйдя на веранду, они увидели, что начался дождь. Кирилл заметил старенький зонтик, раскрыл его, и они, прижавшись, вышли наружу. До ворот они шли, не проронив ни одного слова. Больше всего его занимал запах ее духов. Он подумал, что когда-нибудь узнает, что это за духи. Кирилл открыл ворота, и желтая «Мазда» Виктории Сергеевны медленно выехала на дорогу. Приоткрыв дверь машины, она громко спросила:

— Когда вы будете на работе?

— Завтра! — отозвался Кирилл.

— Тогда до встречи, Кирилл Вадимович, — и машина тронулась с места.

Кирилл долго провожал глазами желтый силуэт, и только когда машина скрылась за поворотом, пошел к дому. Зазвонил мобильный, он решил, что это опять Валентина, но оказалось, что звонит отец.

— Слышал, что ты там отличился! — кричал в трубку отец. Кирилл в ярких красках рассказал отцу о поимке бандитов и о героической роли соседей по даче. Марков поздравил сына с завершением операции, передал привет героям-ледовцам и полунамеками принялся рассказывать, что произошло в Германии. В конце сообщил о звонке Радова и о его просьбе связаться с ним завтра.

— Зачем я ему понадобился, папа? — без особого энтузиазма спросил Кирилл. — Что-нибудь случилось из ряда вон выходящее?

— Да, сынок. Произошли вещи, о которых по телефону не скажешь. Завтра звони Радову и постарайся быть полезным.

— Но, папа, мне сейчас не до Радова. Мне надо разобраться с Самариным. Я обещал. А у меня пока никаких сдвигов.

— И все-таки я советую тебе позвонить. Если я не ошибаюсь, в ближайшее время у тебя будут сдвиги. — Марков повторил несколько раз телефон Радова и попрощался.

Понедельник оказался для Кирилла днем тяжелым. Пришлось побывать у высокого начальства и получить благодарность за проявленное мужество, потом готовить отчет по «ледовской» операции и к тому же дополни-

тельно помогать Глухову разбираться во всех тонкостях жизни китайской мафии.

Глухов никак не мог понять, зачем надо было уйгуру рисковать и пересекать всю Сибирь и Россию, чтобы лично уничтожить Кирилла. Не легче им было поручить здешним китайчатам все сделать на месте. Пришлось объяснить, что законы мести китайской мафии древнее не только сицилианской, но и японской. Среди задержанных Кириллом преступников в Благовещенске были родной брат уйгура и дядя, поэтому смыть пятно позора и уничтожить такого врага, как Кирилл Марков, должен был не только самый близкий по родству человек, но и самый опытный. В конце концов Глухов все понял и даже зауважал нового коллегу.

Только к обеду Кирилл позвонил Радову. Секретарь сказала, что у Радова совещание, но его, тем не менее, соединят. «Папа здесь в почете, козь и на меня милость распространяется», — мелькнуло в голове Кирилла, и тотчас он услышал голос Радова.

— Здравствуйте, Кирилл Вадимович, рад слышать вас. У меня идет важное совещание, не могли бы вы приехать к нам в ближайшее время?

— Примерно когда?

— В ближайший час. Дело срочное, и по телефону всего не объяснишь. Пропуск мы вам закажем, а наш адрес вы, надеюсь, знаете?

— Хорошо, через час я буду у вас.

Когда Кирилл поднялся на шестой этаж и для уверенности, что попал по нужному адресу, внимательно прочитал на двери табличку — Радов Лев Георгиевич, он никак не мог понять, зачем здесь понадобился. «Ну, отец — понятно. Они не один год в одной упряжке, но я — следовательно, с какого бока нужен внешнеэкономическому ведомству? Впрочем, — подумал он, — рукопись-то пропала в их конторе и вина лежит прежде всего на отце и косвенно на Радове. Видимо, Радов хочет узнать, как идет расследование. Ну что ж, придется разочаровать их и признаться, что кроме смутных предположений у меня ничего нет». Неожиданно его осенило:

— А что если приглашение на работу в Москву дело рук этого самого Радова и отца?

Приехав в Москву, по косвенным свидетельствам и вниманию, проявленному к его особе, он почувствовал это, но старался гнать эти мысли.

Но сегодняшнее приглашение вполне укладывалось в ход подобных размышлений и казалось вполне вероятным. «Что ж, проверим и эту версию. Раз уж я здесь, то любое важное поручение будем менять на полную ясность», — решил он.

Наташа — секретарь Радова, узнав, что молодой Марков уже пришел, тотчас доложила шефу.

— Пожалуйста, — показала она на кабинет и улыбнулась, — Лев Георгиевич вас ждет. Кирилл широко открыл дверь и решительно переступил порог довольно большого, с огромным количеством фотографий на стенах, кабинета.

— Вот вы какой! — с доброжелательной улыбкой, выходя из-за стола, приветствовал его Радов. Повернувшись к сидевшему у стола человеку, он представил его Кириллу.

— Познакомьтесь, Кирилл Вадимович, генерал ФСБ Виктор Сергеевич Смирнов. Виктор Сергеевич знаком с вашим отцом и, разумеется, заочно наслышан и о вас.

— Да, кое-что слышал о вашей работе в Благовещенске, — загудел баритоном Смирнов. — Рад познакомиться. — Генерал протянул руку и крепким рукопожатием ответил на приветствие Кирилла.

— Вчера и сегодня утром из Германии звонил ваш отец, — продолжил Радов, садясь на свое место. — Вадим Борисович рассказал мне, что не успели вы появиться в Москве, как пришлось разбираться со «старыми долгами». Крепко же вы их там достали, что и здесь не дают покоя. Берегите себя, Кирилл Вадимович. Работа у вас опасная, лишний раз не рискуйте. Все-таки не даром говорят: «семь раз отмерь».

— А у нас, Лев Георгиевич, «на семь раз отмерь» отвечают: «Семь четвергов и все в пятницу». А когда индивидуальное задание, добавляют: «Один как Бог, как перст, как порох в глазу, как верста в поле, как маков цвет».

Смирнов и Радов переглянулись и весело рассмеялись.

— Я смотрю, у вас на все случаи жизни ответы есть, — заметил генерал. — Это неплохо. Ну что ж, присаживайтесь, молодой человек, — указал генерал на кресло рядом с собой. — Есть какие-нибудь сдвиги в порученном деле? — деловым тоном спросил он.

— Сдвиги будут, когда мы узнаем до конца, кому понадобился Самарин, товарищ гене-

рал. И что в его книге перепугало противников. Ни на один, ни на второй вопрос ответа у меня пока нет. Правда, появился его рукописный план книги. Но этот материал требует внимательного изучения.

— А то, что на человека, собиравшегося писать предисловие к книге Самарина — академика Бореева, в Германии совершено покушение, вам о чем-то говорит? — сурово спросил генерал.

— Да! Из разговора с отцом я понял, что случилось с академиком Бореевым. Слава Богу, что Юрий Борисович остался жив. В связи с этим могу только добавить — у меня складывается убеждение, что о Самарине предпочитают молчать. Своим уникальным даром Алексей Петрович очень кому-то мешает.

— Как вы думаете, жив Самарин? — перебил Радов.

— Убежден, что жив, но где он, трудно сказать. Найти след нам пока не удастся. Должен откровенно признаться — если удастся вообще.

— Откуда такой пессимизм? — поинтересовался Радов.

— Потому что работали профессионалы, Лев Георгиевич. И держат Самарина, возможно, не на территории России.

— Значит, пока ничего существенного нет? — со вздохом констатировал Радов и с тревогой взглянул на генерала. — Что вы собираетесь делать?

— Пока рутинная работа. Обследуем район, где мог исчезнуть Самарин. Это обязательно. Такой человек не нитка в стог сена. Я уже беседовал с женой Алексея Петровича Викторией Сергеевной, говорил также с редактором Нелей Семеновной в тот злополучный день, когда на меня напали. Поймите, — волновался Кирилл, — за такой короткий срок никто не сможет решить этот вопрос. Если не будет серьезных улик, к сожалению, мы будем двигаться очень медленно.

— А если я сообщу вам весьма важную информацию, пусть косвенную, но чрезвычайную, вы сможете сдвинуться с мертвой точки? — спросил генерал.

— Если это будет в моих силах, то конечно. Я и так вам обязан, что мне поручили дело такой важности.

— Пустяки, вы отличный работник, бесстрашный человек, так что наш выбор был правиль-

ным, — как ножом отрезал генерал. — Дело в том, Кирилл Вадимович, что на Украине в городе Лозенске в среду вечером сгорел склад с боеприпасами. По неофициальным данным, под шумок пропало несколько старых ядерных мин. Как ни скрывали наши украинские товарищи, но нам стало об этом известно. Добавлю еще следующее: за неделю до случившегося шеф Пентагона заявил, что его «беспокоят десятки тысяч старых ядерных мин, ядерных артиллерийских снарядов» и что русские сами не знают, где это находится и как это охраняется. Такие заявления делаются для того, чтобы его хорошо услышали там, где надо. И мы, разумеется, услышали. Так вот, есть основания предполагать, что заявление шефа Пентагона, книга Самарина, его интервью в «Московском комсомольце», где, как вы знаете, есть намек на некую акцию, которая повлечет за собой огромные последствия, в том числе и для Америки, тесно связаны с исчезновением профессора Самарина. Мы намерены проверить эту версию. Нам нужен человек, который смог бы в обстановке чрезвычайной секретности провести одно расследование. Выбор пал на вас.

Кирилл хотел спросить почему, но генерал продолжил:

— Во-первых, на сегодняшний момент у нас в органах ФСБ нет человека, более информированного об этом деле, чем вы. А ситуация не терпит промедления. Во-вторых, важно, чтобы и там, на Украине, местные умники не знали вас в лицо и не догадались, зачем вы приехали. Положительным является и то, что вы без году неделя в Москве и вас практически здешние осведомители Незалежной не знают. И хотя вы уже успели отличиться, но вас пока и в следственном управлении знают мало. И что весьма хорошо, не знают у нас в ФСБ. Чтобы не привлекать особого внимания к предстоящему делу, мы даже попросили Льва Георгиевича собраться у него, а не в нашем ведомстве. Итак, сможете вы, Кирилл Вадимович, выполнить одно очень важное задание?

— В чем оно будет состоять? — с нарастающей тревогой спросил Кирилл.

— По официальным данным, во время взрывов на складе в городе Лозенске пострадал один человек, но по неофициальным данным, сбежало как минимум трое военных, отвечавших за

охрану складов в этот день. Задача — получить точную информацию о сбежавших, узнать, по возможности, где они находятся, и, главное, понять, имеют ли они отношение к пропаже ядерного оружия. И последнее: если все подтвердится, то выяснить, кому непосредственно понадобилось это оружие и где оно сейчас? — Генерал сделал паузу, видимо вспоминая, все ли он сказал, и продолжил: — Действовать надо быстро и результативно. Иначе мы можем оказаться на воробьиный клюв от небывалой в мире катастрофы. Эти мины «сорвались с якоря», и если мы их не найдем, считайте, что катастрофа неминуема. Вы спросите, почему мы не подключаем в связи с этим более основательные силы? Отвечу: прежде всего, у нас мало доказательств. К тому же все это произошло там, где за последнее время мы наделали и без того много ошибок. В данном случае нам нужен человек со способностью быть и одним в поле воином! Если замкнется цепочка наших предположений и появятся доказательства, что исчезновение Самарина и акция на Украине — звенья одной цепи, то считайте, что, в конечном счете, мы найдем и Самарина. Более того, если мы перехватим террористов, то, возможно, мы сумеем вернуть и Самарина.

В первый момент после монолога генерала Кирилл растерялся. Уже с первых слов он понял, что задание сложное и одному с ним не справиться, поэтому решил начать издалека.

— Во-первых, спасибо за доверие, товарищ генерал. — Кирилл помолчал и приступил к главному. — Я осознаю всю ответственность такого поручения и понимаю его секретность, но позвольте предложить дополнение к этому плану. — Кирилл перевел дыхание: — Количество заданий говорит о том, что один человек здесь может не справиться. Во-вторых, скорее всего, сбежавшие охранники вооружены и при любой попытке ареста будут оказывать отчаянное сопротивление. Такие подставы бесплатно не делаются, и с полученными бабками они наверняка уже разбежались. Денег для конспирации им хватит. Если «товар» у них перехватили, то надо поднимать большую бучу и искать по всем направлениям. Тут пол-Украины надо перешарить. Я веду к тому, что придется расширять круг людей, знающих о содержании

операции. Иначе мы потеряем время и тогда катастрофа неминуема.

— Все это верно, Кирилл Вадимович. Как только у нас появится хотя бы одна неопровержимая улика, мы подключим тех, кто будет реализовывать основную задачу операции. А сейчас у нас нет другого выхода. Поймите, мы рассуждаем пока на уровне версии.

— Вы боитесь политического скандала? — тихо спросил Кирилл.

— Нет, — в тон Кириллу ответил генерал, — мы боимся войны.

— Войны с Украиной?

— Да, с Украиной. Если мы вмешаемся, не имея стопроцентных оснований, то определенные круги могут спровоцировать военные действия. Ушло время, дорогой Кирилл, когда мы могли действовать как слон в посудной лавке. Противостояние зашло так далеко, что один неверный шаг, и полетят не только головы, но и заговорят пушки.

В этот момент Кирилл почувствовал, что его втягивают в какое-то опасное и, по всей видимости, несанкционированное начальством дело. «Но если эти два мужика правы, — лихорадочно соображал он, — и дело обстоит именно так, как рассказывает о нем генерал, то надо им помочь». Однако он не прогнулся и, желая играть вчистую, напрямую спросил:

— Последний вопрос: о ваших намерениях знают на самом верху?

Генерал внимательно посмотрел на Кирилла, потом на Радова и, помолчав, ответил.

— Знают, но не все. Такой ответ вас устраивает?

— Вполне. Только бы наши стратеги раньше времени не впали в истерику, — бросил Кирилл. — Дело ведь непростое, шаг в сторону и, как у мина, до свиданья, мама — не горюй!

Кирилл помолчал и, еще раз всё взвесив, спросил:

— Когда приступать?

— Сегодня вечером вам надо выехать московским поездом. Город Лозенск узловая станция, через которую поезда из Москвы следуют в Симферополь. Поедете под видом члена жюри эстрадного конкурса.

— Что-то типа «Алло, мы ищем таланты»? — весело спросил Кирилл.

— Совершенно верно, — подхватил генерал.

— В этом амплу я прежде работал, так что опыт пригодится. В прошлом я даже был актером, да и эстраду знаю — вел передачу на радио.

— Вот и прекрасно. Как видите, любой опыт никогда не бывает лишним. Соответствующими документами мы вас обеспечим. Остановитесь в гостинице, чтобы не вызывать подозрений. Там сейчас действительно идет отборочный тур для телевидения, и гостиница забита разными эстрадными гениями. Если понадобится помощь, звоните по этим телефонам, — генерал положил перед Кириллом листок с номерами телефонов. — Там находятся наши люди, которые будут информированы о вашем приезде и в случае необходимости помогут.

— Тогда почему вы не поручите это дело им?

— У них другое задание. Срывать их мы можем только в крайнем случае.

Виктор Сергеевич повернулся в сторону до сих пор не проронившего ни слова Радова и спросил:

— Ну что, Лев Георгиевич, кажется, мы не ошиблись, рекомендуя Кирилла Вадимовича?

— Думаю, что нет. В таких случаях говорят: ни пуха ни пера! Когда Виктор Сергеевич подыскивал у себя сотрудника для этого поручения, я посоветовал ему вас. И не только потому, что яблоко от яблони недалеко падает, но и потому, что я верю в вас. Успеха вам, Кирилл Вадимович.

В этот же день поздно вечером Кирилл выехал поездом «Москва — Симферополь».

* * *

После неудачной вечеринки в ресторане на острове доктору Чердак показалось, что ухаживания генерала Рейса закончились. Действительно, несколько дней генерал старался не замечать «неверную», как он окрестил Каталину, и не пытался возобновить отношения. Но в одно из дежурств ей позвонил незнакомый голос и, представившись работником ЦРУ, попросил встретиться. На вопрос — какая будет повестка дня? — ответ был уклончивым. Многие годы проработав в ЦРУ, доктор Чердак знала эту манеру недоговаривать и уклоняться от прямых ответов, если разговор ведется по телефону. Чтобы не дразнить гусей, она дала согласие встретиться

в довольно людном месте — в пресс-центре клиники с небольшим баром, где готовили отличный кофе. В сущности, здесь несколько дней назад она спасала академика Борева.

Каталина пришла раньше и, чтобы не сидеть за пустым столиком, заказала себе чашечку кофе. В кафе было уютно, народу было мало, играла приятная музыка. Знакомый бармен приветствовал её голливудской улыбкой и вскоре принес заказанный кофе. Неожиданно за окнами пошел дождь, и она обрадовалась, что пришла раньше.

Октябрь в этом году был не холодным, но дождливым. Так, глядя в окно и размышляя над тем, что собственно от нее надо ЦРУ, она коротала время. Неожиданно мимо ее окна прошел человек, лицо которого она когда-то видела. Это был пожилой человек, в длинном плаще, коротко подстриженный и прихрамывающий на одну ногу. Она стала судорожно вспоминать, где она видела это лицо, и вдруг вспомнила, что это в прошлом очень известный разведчик, которому она на закате его карьеры делала пластическую операцию. «Кажется, мы с ним расстались очень по-дружески», — вспомнила она, стараясь восстановить в памяти его имя. И вдруг память выстрелила из прошлого, и она вспомнила. Это был Билл Крэг, один из лучших разведчиков конца семидесятых годов, работавший на «советском направлении». С приходом Горбачева, а затем Ельцина в его услугах перестали нуждаться, и он вскоре ушел на вынужденную пенсию. По ее расчетам, ему уже было далеко за восемьдесят. Если встреча назначена с ним, то возникал вопрос: для чего она ему понадобилась? «Возможно, его беспокоит здоровье, — подумала она, — и, узнав, что здесь работает его давний коллега, он хочет подлечиться? Вот ведь и Марков приехал, когда швы стали его беспокоить».

И тем не менее она почувствовала, что волнуется. Потому что появление Билла Крэга в Германии ничего не объясняло, а только запутывало. «Впрочем, — попытожила она, — ведь Билл отыгранная карта и опасаться такого человека просто глупо. Он прослышал о том, что я работаю здесь, и решил подлечиться», — окончательно решила она. На всякий случай Каталина напрягла память и стала вспоминать медицинскую историю Билла. Нет, печень там не значилась. По давней привычке она на всякий случай ос-

мотрелась — нет ли в баре кого-нибудь из посторонних или подозрительных. «Странное дело, как быстро возвращаются старые навыки», — подумала она и вдруг заметила напряженные глаза бармена, уставившегося на входящего Билла. «Молодец бармен, даже он чувствует приближение старого лиса». Она быстро закурила. Тонкая струйка порхнула из ее напряженного рта. Теперь она была готова к любой схватке.

— Вот уж кого не ожидала, так это тебя, Билл, — протягивая руку для поцелуя, зачирикала она.

— Неужели ты меня узнала, Катрин? — приветливо и сердечно начал Крэг.

— Когда ты звонил по телефону, я еще сомневалась. Но когда увидела под дождем знакомую фигуру и походку со следами былых сражений, сразу узнала. С вас и капает, и течет, господин Крэг. Снимите плащ и повесьте его вон туда. — Она показала вешалку в нише, затем пригласила его за стол и посадила так, чтобы наилучшим образом можно было рассмотреть старого коллегу.

— Ну, вот мы и встретились, — радушно заговорил Крэг. — Шел к тебе на встречу и вспоминал прежние времена, нашу дружбу и твои золотые руки. Господи, как летит время. Мне уже за семьдесят, а ты все так же хороша.

— А если без комплиментов, очень изменилась?

— Нет, Каталина, ты стала еще пленительнее. Появилась уверенность в себе. Вспомни, сколько мужчин были в тебя влюблены, а ты на удивление всем выбрала хоккеиста.

— Я выбрала чемпиона мира! Это не просто мужчина, Билл, — это символ.

— Ты счастлива? — неуверенно спросил Крэг.

— Все в порядке, Билл. Не будем об этом. Ты ведь не моим счастьем приехал интересоваться. Как твое здоровье? Выглядишь ты отлично. Да и лицо у тебя хоть на выставку.

— Еще бы! А кто это лицо для выставки готовил? — с гордостью заметил Крэг. — Золотые у тебя руки, моя дорогая. Никогда, все эти двадцать лет, я тебя не забывал. Ведь совсем девочкой тогда была. Я, кажется, был одним из первых твоих клиентов.

— Вторым, если быть точной. Этот метод тогда проходил апробацию, и я была счастлива, когда старик Церровски одну из первых операций поручил мне.

— Ты была его любимицей. Не знаю, жив ли он?

— Нет, Билл, он умер лет десять назад.

— Жаль, те, кому, с нашей точки зрения, положено жить долго, по всей видимости, больше нужны Богу. Вот недавний случай: казалось, академик Бореев готов был предстать перед лицом Всевышнего, но тот распорядился иначе, и чья-то доверенная рука не допустила этого.

«Началось! — подумала она, — значит, Билл не собирается лечиться, а намерен лечить меня. Они знают, что я вмешалась, дав единственно верное противоядие. Теперь я становлюсь опасным препятствием их планам и должна за вмешательство расплатиться».

— Билл, я никак не думала, что в этой истории кроются чьи-либо интересы. Я вмешалась инстинктивно. Позже я поняла, что это работа тех, кто недоволен проамериканской позицией Бореева.

Билл внимательно посмотрел на доктора и, не заметив на ее лице ни тени притворства, спросил:

— У тебя есть доказательства?

— Косвенные.

— Маловероятно, Каталина. Зачем русским подставлять своего посла и крупного чиновника Радова в этой третьестепенной истории?

— Ты ошибаешься, Билл. У меня сложилось впечатление, что привлечение этих чиновников нужно было им для чего-то другого. У русских что-то не клеилось до этого момента, и эта история помогла им развязать какой-то узел. — Билл снова пристально следил за выражением лица Каталины, и вновь она выдержала этот взгляд.

— Какие для этого основания, моя дорогая девочка? — уже доверительно спросил Билл.

— Поведение. Поведение тех, кто готовил и проводил эту конференцию. Они словно в эйфории пребывали после всего случившегося. Особенно Радов. Он не только блестяще провел всю встречу, но уехал отсюда триумфатором.

— Разве не посол был главной птицей здесь?

— Посла они просто прикрыли. Это отвлекающий ход. Но Радов получил здесь то, что ему нужно было.

— Каким образом? Кто-нибудь из наших прокололся?

— Конференция была плохо подготовлена.

Она не сработала. Русские обо всем догадались, получили, что им было нужно, и уехали в прекрасном настроении.

— Откуда ты это знаешь?

— С ними был мой пациент Марков. Он после всего случившегося рассказал мне при первой встрече.

— Он что, твой пациент?

— Давний. Он журналист. В свое время у него было сильное ранение, и я сделала ему операцию. После обследования и всех анализов я снова буду им заниматься.

— У тебя была неудачная операция?

На этот раз Каталина удостоила своего собеседника откровенным ироничным взглядом и с обидой в голосе ответила:

— Только что вспоминал мои «золотые руки» и вдруг такие предположения.

— Прости старика. Не обижайся.

— Повторяю, он на обследовании. На следующей неделе я им займусь. Но уже сегодня предполагаю причину его обострения.

— И какая? — нетерпеливо спросил Крэг.

— Возраст. Марков набрал вес. Это кажется незаметным, но несколько килограммов в данном случае играют большую роль. У него начало диабета. Это влияет на состояние швов.

— А как у меня дела? — с волнением спросил Крэг.

— Успокойся, Билл. Не будь таким подозрительным. Мы ведь из одной команды. В ней бывших игроков не бывает. Мы с тобой давно чемпионы мира. Причем ты всегда был нападающим. Я рада, что ты в отличной форме и снова вернулся на наш скользкий лед. Но самое главное, ты не страдаешь диабетом.

Каталина рассмеялась и вдруг предложила:

— А что, если нам выпить за эту встречу? За встречу с прошлым. Закажи нам чего-нибудь. Ты ведь был когда-то отличным кутилой.

Крэг с опозданием почувствовал себя кавалером и громко попросил бармена принести две порции виски.

— Ты не против крепкого?

— Наоборот, это наш напиток.

Когда они пропустили по стаканчику и заказали еще по порции, обстановка поменялась. Крэг, уже успокоенный и расслабленный, перешел к деловой части встречи.

— Учти, Каталина, Рейс на тебя дуется. Возникли разные подозрения.

— А разве я раньше давала повод для того, чтобы ложиться в постель с каждым, кто меня добивался?

— Нет, речь не об этом, моя дорогая. Просто человеку... мужчине иногда хочется расслабиться... Говорят, и от диабета это тоже лучшее лекарство... — хохотнул Крэг.

— У него в тяжелойшем цейтноте печень. Пить ему абсолютно противопоказано! А он у меня в ординаторской глушит с этим своим холуем Тэлом каждый раз по бутылке и при этом хочет, чтобы я восхищалась им и чуть ли не в кабинете разделась. Ну, ни скотство это, Билл? Пригласил в ресторан и устроил демарш. Я увидела своего старого больного, минутку с ним поговорила, и вдруг он встает из-за стола и демонстративно уходит. Если я согласилась пойти в ресторан, разве это не дружеский знак? Так вместо понимания и соответствующего поведения наш герой демонстрирует капризы и заносчивость. Разве ты, Билл, когда-нибудь вел себя так?

— Тогда было другое время, Каталина.

— Если ты интеллигентный человек, время ни при чем. У человека или есть воспитание, или его нет.

— Но у Стива хорошие корни, Каталина. Он тянет ниточку от самого Черчилля.

— Тянет, может быть, и ниточку. Но уж больно незаметную.

Оба с нескрываемым удовольствием рассмеялись, и это было лучшим свидетельством того, что старая дружба восстановилась.

— Ты не против снова поработать на нас, Каталина? — спросил Крэг через паузу. — Тряхнуть, как говорится, мастерством. После «Комиссии 9/11» у нас много изменений. Ты ведь не работала ни с Джоном Нетропonte, ни с Джорджем Тенетом?

— Нет, конечно, я ушла гораздо раньше, чем назначили этих ребят.

— Сейчас наше ведомство не узнать. Появились дополнительные возможности.

— И что же это за возможности?

— В рамках стратегии появилось содействие демократическим переменам в странах с диктаторскими режимами.

— Знаю, вы теперь можете залезть под любую

шкуру и сказать, что она плохо пахнет. — Крэг самодовольно улыбнулся, хотя образ, предложенный Каталиной, ему показался неудачным.

— Хочешь, угадаю, где тебе подбросили работенку? — спросила она, не сводя глаз с Крэга.

Крэг недоверчиво посмотрел на выражение лица Каталины и приготовился слушать.

— Кажется, это Национальная секретная служба? Не так ли?

— Ну, зачем эти кроссворды, дорогая Каталина. Зная, как ты занята, я предлагаю тебе сущую мелочь.

— Смотри что вам потребуется. Мне не хотелось бы начинать все сначала.

— Повторяю, нам нужны мелочи.

— Начнем с того, что у нас не бывает мелочей, если я и соглашусь, то только на разовую работу, потому что ни денег, ни славы мне не надо. Что вас интересует?

— Нам нужно знать все о твоём клиенте.

— О каком? О Маркове, что ли?

— Да.

— Так я о нем и так знаю все. Богатый, хороший журналист и писатель. Красивый мужчина, который при желании может добиться всего. И к тому же человек, превосходно знающий английский и немецкий языки. Конечно, как всякий порядочный русский, желает процветания своей стране. Многие для этого делают. Добился в ущерб Вайсу выпуска одного очень важного лекарства в России. Такие люди, как Марков, стараются поднять свою страну с колен.

После этого пассажа Крэг широко улыбнулся и заговорил резко и самоуверенно, словно вопрос этот уже решен:

— Россия, моя дорогая, после уничтожения коммунизмом и посткоммунизмом уже никогда не поднимется. В ней практически убиты духовная основа и национальная уникальность русского общества. Им, чтобы выжить, следовало восстанавливать свою собственную культуру, которая не походила на европейскую цивилизацию. А вместо этого они наконец попали в сети, расставленные еще стариком Далласом, причем тамашние амореи так схватили русских за горло, что вряд ли теперь допустят реванш. Поэтому этот Марков нас интересует только как генотип и возможный «кремлевский пациент».

— Я тебе рассказала все, что о нем слышала.

Не знаю, что может еще в нем привлекать? Ориентация у него правильная. Он женат, у него маленькая дочка и есть от первого брака сын. Где сейчас сын, я не знаю. Но в свое время он был здесь и произвел превосходное впечатление. Некоторые девицы о нем вздыхают до сих пор. Вот все о Маркове.

— Это очень хорошо. Но вот с кем он связан в Москве и на кого работает, мы не знаем.

— Я всегда знала, что он работает на себя. У него здесь с нашим Вайсом бизнес, и они вот уже два дня, как утрясают какие-то вопросы. Ты говоришь, что он на кого-то работает? Не верю, по-моему, это фантазии Рейса.

— У нас есть такие сведения, — уверенно сказал Крэг.

— И это все, что вам надо? Хорошо, я узнаю. Но на этом все! Не хочу больше ввязываться в ваши дела. У меня своих по горло.

— Милая моя, если бы ты знала, как я рад, что мы опять вместе. Конечно, мне хотелось бы, чтобы ты посмотрела меня.

— Это можно. Как-нибудь найдем время.

— Но не здесь. У нас есть под Мюнхеном небольшой опорный пункт, где это удобно будет сделать.

— Это не вопрос. Я каждую неделю бываю в Мюнхене, и мы все сделаем.

Крэг подумал и решился еще на одно предложение.

— У нас там есть еще желающие с тобой познакомиться. Кстати, один из России, очень любопытный тип. Большой оригинал.

— В чем это выражается? Надеюсь, не псих?

— Нет, скорее молчун.

— Надо разговаривать?

— Да, хотелось бы.

— Разве у вас нет специалистов этого профиля?

— Есть, но мужчины.

— Ты предлагаешь с ним переспать? — с иронией спросила Чердак.

— Нет, просто по-человечески посочувствовать. Поговорить, указать на болезни, о которых он до сих пор не догадывался. А они, вполне вероятно, могут при обследовании обнаружиться. Словом, кое-что узнать, и на этом твоя миссия будет исчерпана. Последнее предложение идет главным образом от меня. Ты должна мне помочь, я с ним зашиваюсь.

— Хорошо, Билл. Но это последняя услуга, которую я попробую выполнить. В дальнейшем ты должен мне пообещать, чтобы меня не занимали вашими проблемами. Иначе я потеряю квалификацию. Договорились?

— Да, моя дорогая! Я буду звонить. Если будет что-нибудь срочное, вот тебе телефон, по которому ты меня всегда найдешь, — с этими словами Билл Крэг улыбнулся и протянул листок с единственным номером телефона.

Они посидели еще недолгое время и вскоре покинули кафе. Вначале ушел Крэг, а позже, после еще одной выпитой чашки кофе, покинула бар и Каталина. Бармен долгим и внимательным взглядом провожал её и, когда она вышла, сделал кому-то короткий телефонный звонок.

Чердак, не желая того, дала втянуть себя в опасные игры. Предложение Билла Крэга застало ее врасплох. Марков для нее был не только пациентом, но и близким человеком. Их мимолетная связь в дни операции хоть и отодвинулась во времени, но не уходила у Каталины из памяти. Приезд Маркова вновь обострил ее интерес к этому человеку. А после разговора с Биллом Крэгом и очевидным вниманием ЦРУ к его персоне у нее появились и опасения за его жизнь. Поэтому, когда, наконец, они встретились в ее кабинете на первом приеме после обследования, разговор начался без подготовительной дипломатии. Каталина не могла скрыть волнения и старалась быть придирчивее, чем требовалось. Марков стоял перед ней по пояс голый, и она внимательно осматривала его кожу на спине и руках. Зуд, на который Марков жаловался, особенно обострился в последнее время.

— А аппетит у тебя улучшился за последнее время? — отозвалась она на его жалобы.

— Аппетит у меня хороший, иногда, особенно во время футбольных матчей или турниров по боксу, могу съесть целый холодильник.

Они говорили на английском. Но холодильник у него проскочил на русском, и она попросила уточнить, кого он все-таки может съесть во время футбольного матча?

Когда он объяснил, что в этом холодильнике съедается, она, покачивая головой, спросила:

— Зуд начинается когда?

— К вечеру, после ужина.

Она еще раз посмотрела руки и попросила одеться. Долго что-то писала, стараясь обдумать еще раз, о чем можно говорить сейчас, о чем позже и о чем говорить нельзя ни под каким предлогом.

— Итак, Вадим, судя по характеру зуда, по показателям сахара в крови, у тебя признаки диабета. Пока показатели не так высоки, трехмесячная норма — 6.4, но это начало диабета второй категории.

— И что мне теперь делать? — веселоотреагировал он.

— Во-первых, отнестись к этому серьезно. Диабет — коварная болезнь, она достаёт все органы, включая и сердце. Зуд на руках и спине — это первые признаки неусвояемости сахара в организме. Вот, — она показала результаты обследования, — у тебя увеличенная поджелудочная, вполне возможно отсюда недобор инсулина. В общем, надо кончать «есть холодильник» и садиться на диету.

— Мне сейчас некогда болеть, Каталина. Я только начинаю входить во вкус жизни, и вдруг тебе предлагают намордник.

— Да, тебе отныне придется есть не то, что хочется, и вести себя не так, как заблагорассудится, потому что твое «пиршество жизни» напрямую влияет на швы. Как учил Христос: «Сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста». Если ты сбросишь вес и займешься спортом, перестанешь пить, то вскоре все у тебя изменится в лучшую сторону. Словом, надо привыкнуть к самоограничению. Враг диабета — движение и диета.

— А что, я очень раздался? — криво улыбнулся Марков.

— Не так чтобы очень, но килограммов десять у тебя лишние.

— Понятно! Вот беда, только человек начинает, как говорит мой хороший друг, жить посытнее, так сразу Господь почему-то возражает.

— Потому что вопреки нашему атеизму Бог есть и его любовь гораздо ответственнее, чем мы предполагаем. Последний пассаж, похожий на чей-то афоризм, Марков выслушал с улыбкой, наклонив голову в сторону, и молча поцеловал Каталине руку. Она потрепала его шевелюру и вдруг тихо бросила:

— Я что-то устала, проводите меня, Марков.

Вам, кстати, полезно будет эти дни почаще гулять в нашем парке. Подождите меня внизу. Мы должны поговорить.

По характеру поведения и манере говорить, почти не открывая рта, Марков понял, что Каталина боится продолжать разговор в кабинете. Вскоре он ждал ее у выхода из больницы.

Каталина переоделась: в сером брючном костюме она сразу помолодела, и если бы не высокая грудь, то из-за короткой стрижки ее можно было издалека принять за миловидного юношу. Плащ она держала на левой руке, а зонт висел у нее на запястье. Всю ночь шел дождь, и все, кто гулял в парке, были вооружены зонтиками.

— Пойдемте к озеру, — предложила она. — Люблю осень, но только не такую дождливую. Впрочем, дождик у нас воспитанный. Дует во всю мощь ночью, а днем ведет себя, как хороший командир, и своим медсолдатам дает передышку.

— Именно об этом я и хотел сказать. Спасибо тебе, медсолдат. Ты спасла жизнь выдающемуся человеку. Я звонил в Москву жене академика, и она просила передать тебе огромную благодарность за все, что ты сделала. Если бы не болезнь, она бы приехала и лично тебя отблагодарила. Они с мужем договорились что-то тебе преподнести. Ты уж, пожалуйста, не отказывайся. Она так воодушевленно об этом говорила, что было бы обидно, если бы ты это не оценила.

— На конференции я не была. Но говорят, вы так защищали Борева, что, в конце концов, никто не понял, что, в сущности, он совершил.

— Он должен был выступить в защиту политолога Самарина. Но, как ты знаешь, ему помешали.

— А что собой представляет этот Самарин?

— Тут в двух словах не объяснишь.

— А ты, Марков, в четырех объясни, я хороший слушатель.

— Ты знаешь, все эти дни я думаю об этом человеке. Он пропал в Москве полторы недели назад. В моем издательстве готовилась его книга. Очень интересная книга.

— О чем она? — осторожно спросила Каталина.

— Книга о многом: об экономике, политике, о том, что нас ждет в будущем. Среди всех, кто пытается ответить на последний вопрос, Самарин единственный, кому веришь, потому

что у него помимо научного подхода есть безусловный дар предсказателя.

— Таких людей стараются изолировать, Марков, — как бы между прочим сказала она.

— Вот они его и изолировали.

— Кто они?

Каталина повернулась к Маркову и замерла, ожидая ответа.

— Не знаю! — громче обычного ответил Марков. — Если бы знал, был бы самым счастливым человеком.

— И что бы ты сделал? — улыбнулась она. — Вырвал бы его из рук захватчиков?

— И вырвал бы, и многое сумел бы еще сделать. Сейчас этим вопросом в Москве занимается мой сын.

— А ключ к исчезновению этого Самарина, с твоей точки зрения, в Москве?

— Истоки да, а где он сейчас — не знаю. Но еще не вечер, надеюсь узнать. Не я, так сын.

— Ты говоришь, что ваш Самарин предсказатель? Но предсказатели были и в Древнем Вавилоне. Их клинописные таблички, расшифрованные уже в наше время, утверждают, что конец цивилизации наступит в XXI веке. А календарь цивилизации майя и вовсе заканчивается 21 декабря 2012 года. — Она повернулась к нему и стала ждать ответа.

Глаза ее сделались озорными, похоже, ей захотелось играть в старую игру — «ученицы и учителя».

— Оставь, я слышал эту версию. У них просто не хватило клинописных табличек. Кризис и в то время создавал неприятности. Нашу цивилизацию хоронят давно и регулярно, Каталина, а вот предусмотреть его величество случай, который и является предвестником катастрофы, могут единицы. Самарин из таких.

— Но такие свойства могут быть и у хорошего программиста с экономическим образованием, — с иронией заметила она.

— Возможно, что это и так. Кстати, Самарин в высшей степени обладает и этим талантом. В его схемах, которые я как редактор, к несчастью, только просмотрел, есть не только динамика экономических расчетов, но и то, что иначе как предсказанием не назовешь.

— И что, там есть указание на что-то, что неминуемо случится прямо сейчас?

— К сожалению, есть. Мы просто прошляпи-

ли этого человека. Да разве его одного? Сколько ученых мы потеряли, сколько открытий прошло за последние двадцать лет мимо нас. Где бы сегодня была Россия, если бы не ее элита, пожирающая сама себя.

Ответ Маркова напомнил ей разговор со стариком Биллом Крэгом из ЦРУ, и она спросила:

— Ты хочешь сказать, что некоторые из вашей элиты, не ведая того, выполняют план старика Даллеса?

— Хуже. Часть из них с громадным рвением это делает.

— А другая?

— Борется, но пока безуспешно. Больше стеноют и плачут. Назначают сроки апокалипсиса. Ищут субъект, который займется развитием или прорывом. Ждут, когда наверху придумают идеологию или «воздушную подушку».

— Марков, а на чем ты держишься?

— Я знаю, что надо работать и хорошо делать свое дело... И потом я старомодный человек: люблю Родину, свой дом, друзей... Люблю четыре корпуса своих кадетов. Они — семья Отечества. Их уже не сделать «пятой колонной», но как важно, чтобы они почувствовали собственную миссию, стали строителями русского счастья. Никогда не поверю, что мы сломаемся... У нас очень силен тыл... Русская провинция — это огромный ресурс...

— Говорят, что провинция пьет?

— Не больше, чем английские «белые воротнички» или французские докеры.

— Значит, вы ждете, как их — Минина и Пожарского?

— Нет, дорогая моя, есть еще воля Божия. Кажется, на ней мы и держимся. Кстати, ты сама прекрасно ответила на этот вопрос: «вопреки нашему атеизму Бог есть, и его любовь гораздо ответственнее, чем мы предполагаем». Кажется, так?

— Ну и память у тебя! Тогда последний вопрос, Марков. А кризис может помочь?

— Конечно, любой суд лучше, чем ложь и сокрытие преступников.

Она замолчала и, видимо, переключилась на другую тему. Молча и долго они шли по тропинке вдоль озера.

— Значит, ты утверждаешь, что Самарина прошляпили? — неожиданно, каким-то глухим голосом спросила она, кутая горло шарфом.

– Да. Однако когда он исчез и в Америке о нем заговорили как о пройдохе, пытаюсь его дискредитировать, здесь у нас схватились за головы. Все ведь понимают, что дыма без огня не бывает.

– Марков, я долгое время была атеисткой, и мне любые предсказания до сих пор кажутся предрассудками. Не укладывается это и в логику Всевышнего. Забегать человеку дальше Бога не дозволяется.

– Не об этом сейчас речь. Человек ведь Божье творение. Нельзя игнорировать его прозорливость, в том числе и способность к предсказаниям, кстати, свойственную нашим предкам и потерянную нами совсем не случайно. Возможно, в том числе из-за нашей самонадеянности и атеизма, о котором ты упомянула.

– Получается так, что Самарин сидел в одиночестве на какой-то вавилонской круглой башне, смотрел на эту жизнь и все оттуда видел, а тысячи других на эту жизнь всего лишь главели?

Последний пассаж Каталины, намеренно сбивавший прицел разговора, вывел Маркова из себя, и он решил сменить тему:

– Не знаю, возможно, и так. Знаю только, что Вавилонская башня оказалась не круглой, как ее изображали художники средневековья, а квадратной и ступенчатой, похожей на пирамиду.

– Откуда ты это узнал, от Самарина?

– Нет, из космоса.

– Ты и там успел побывать за время нашей разлуки?

– Когда ты используешь подобные обороты, то становишься похожа на мадам Бовари Флобера.

– Возможно. Она тоже была ревнивой?

– Меня не к чему ревновать. А вот тебя есть! – неожиданно перехватил инициативу Марков. – Об уходе американского генерала даже до меня слухи дошли.

– И что до тебя дошло? Какого размера у него ...печень?

– Как он сюда попал? И что ему надо от тебя? – запальчиво спросил Марков.

– Не знаю, как он сюда попал. Кажется, Вайс говорил, что где-то под Мюнхеном идут небывалые военные учения. С этих учений полутрупом и привезли этого Стива Рейса.

– Но ведь он, кажется, не армейский генерал?

– Я не знаю. Вайс мне об этом не говорил.

Они повернули на более узкую аллею и пошли в сторону ее дома.

Стало накрапывать.

Каталина открыла зонтик и предложила Маркову руку. Марков взял ее под локоть и осторожно перехватил зонтик.

– А может быть, Стив Рейс из ЦРУ?

– Не знаю.

– Он что, скрывает это даже от тебя?

– Когда волочишься за такими мадами, как я, ничего не остается, как для важности надуться.

– И что, он серьезная птица?

– Не знаю, чем он занимается, но порой кажется, что он знает многое. Ты побывал в космосе, а он оттуда, по-видимому, снимки имеет. Не исключено, что где-то и исчезновение вашего Самарина снято, – рассмеялась она неестественно.

«Чего это она так наигрывает», – подумал Марков, но тут увидел идущих к ним навстречу генерала Рейса и полковника Питера Тэла.

Тэл приехал на очередной доклад, и после небольшого междусобойчика в ордinatorской цэрэушники решили проветриться. Когда обе пары сблизилась и церемонно поприветствовали друг друга, Маркову показалось, что рука Каталины вздрогнула, и он почувствовал, как она вцепилась ногтями в его запястье.

– Почему он на тебя так строго посмотрел? – спросил в недоумении Марков.

– Для них мы, медики, все равно что солдаты. Хотят, чтобы по приказу и здоровье у них процветало.

Они вышли из парка и пошли вдоль дороги, где с правой стороны начинались небольшие коттеджи сотрудников клиники Вайса.

– А как он себя чувствует?

– Кто, Рейс?

– Да.

– Наш препарат «Изком2» поставил его на ноги. Обострение прошло, и если бы он не пил, то мы могли бы добиться полного выздоровления. Но, по всей видимости, он недолго у нас пробудет. Он жаловался, что работа не оставляет ему времени для лечения. Мне показалось, что у него какие-то неприятности.

– Какие? – невольно спросил Марков.

– Господин Марков, вам как писателю и

журналисту хочется знать как можно больше о главных противниках, выигравших у вас холодную войну. Но постарайтесь такую информацию добывать сами. В свое время вы стащили у американцев атомную бомбу, перехватили ряд видов стратегического вооружения, я не из разряда пацифисток. Если вы меня принимаете быть вашей осведомительницей, то хотя бы платите за это.

— В какой валюте изволите, мадам Бовари?

— Мы не продажные женщины. Мы жертвы старых привязанностей, Марков.

Они молча прошли довольно значительное расстояние, и она стала прощаться.

— Спасибо, что ты проводил меня. С завтрашнего дня прошу тебя каждое утро пробегать минимум пять километров. Мы начнем следить за сахаром под нагрузкой.

— Но я это делаю в Москве, — с жалобной интонацией отозвался Марков.

— Не сочиняй, в Москве ты не бегаешь пять километров, а здесь придется.

Каталина знала, о чем говорит. Марков действительно если и бежал в Москве, то не больше одного километра, тогда как углеводы начинают сторать после более интенсивной нагрузки.

Марков хотел вернуть ей зонг, но она остановила его руку:

— Зонг оставь себе, мне здесь недалеко. Не хватало, чтобы ты еще простыл.

Она неожиданно поцеловала его в щеку и быстро, не оглядываясь, пошла к своему дому. Когда ее прямая спина исчезла за дверью подъезда, Марков повернулся и не спеша пошел назад. Он никогда не жалел, что женился на Валентине. Но при встречах с Каталиной мужской своей интуицией чувствовал — свой выбор уже давно она остановила только на нем.

Поэтому, возвращаясь сейчас в свой коттедж, он, с одной стороны, старался заглушить чувство вины, которое всегда появлялось у него, когда он думал или встречался с Каталиной, с другой — старался понять, что из той информации, которой она делилась, было сказано случайно, а что намеренно. Вспомнив в деталях весь разговор, он понял, что Каталина обо всем, что его волнует, знает намного больше, чем поделилась на прогулке. Вернувшись в коттедж, он позвонил ей, поблагодарил

за совместную прогулку и твердо пообещал выполнять все ее указания.

* * *

К поезду на Киевском вокзале Кирилла привезли загодя. Попрощавшись с шофером ведомственной машины, специально посланной генералом Смирновым, чтобы проводить его, Кирилл прошел в купе.

Каково же было его удивление, когда он увидел там уже расположившуюся бабулю лет под восемьдесят, которая сидела у окна и с кем-то мимикой и жестами общалась через окно. Перед ней уже были расставлены баночки и тарелочки с какими-то яствами, источавшими необыкновенно приятный запах. Но больше всего пахло сдобой.

Горка этой сдобы возвышалась в центре купейного столика и была прикрыта тоненьким полотенцем с вышитыми петухами. Прежде чем поздороваться, Кирилл невольно заглянул в окно, чтобы увидеть, с кем общается его попутчица. На перроне стояла худая, неброской внешности женщина лет сорока и так же усердно, как и бабка, что-то жестикулировала. «Так они глухонемые», — решил Кирилл, уstraиваясь на своем месте. Наконец поезд тронулся, и в их купе вошел еще один пассажир. Это был высокий седовласый мужчина лет под семьдесят.

Стариком его назвать не поворачивался язык, потому что держался он молодежато, от него веяло самоуверенностью и чувством собственного достоинства, на сытом и красивом лице играла полуулыбка, которая выдавала сущность этого человека, с порога подчеркивая его значимость.

— Добрый вечер, — негромко, но уверенно приветствовал присутствующих вошедший. Он был в модном костюме и распространял запах хорошего парфюма. «Наверное, ученый какой-нибудь, — мелькнуло в голове Кирилла, — или известный артист».

— Молодой человек, — внезапно обратился вошедший к Кириллу, — второпях мне взяли билет на верхнее место, не могли бы вы уступить мне нижнее? Если, конечно, не трудно?

— Пожалуйста, — не задумываясь, ответил Ки-

рилл и забросил свой чемодан наверх, освободив к тому же место напротив бабульки.

Почувствовав, как и Кирилл, запах, исходящий от пирожков, мужчина заметил:

— Это снадобье на продажу или на выставку, милая женщина?

— Мил человек, ни то, ни другое. Это для вас. Лет двадцать поездом не ездила, подумала, соседи по вагону будут, надо угодить. Бери, коли нравится.

Кирилл никак не ожидал, что бабулька «говорящая», и, обрадовавшись такому вниманию соседки, охотно потянулся за пирожком.

— Подождите, молодой человек, чего же всухомятку? Сейчас мы закажем чаю и уж тогда воспользуемся этим чудесным предложением.

Мужчина приоткрыл дверь купе, махнул рукой, и как по воле волшебной палочки появилась проводница с тремя стаканами чая.

— Как это вам удалось? — удивился Кирилл. — Проводница за дверью, что ли, была? Или вы гипнотизер?

— Нет, очень просто. Проходя мимо проводницы, я увидел, что она готовит чай, и спросил, сколько человек в четвертом купе, узнав, что нас трое, заказал три стакана. Кстати, в цирке, молодой человек, все хорошие гипнозы просчитываются математиками.

— Понятно. А чай заказали тоже, чтобы угодить попутчикам? — кивнув на соседку, спросил Кирилл.

— Не только. Я после затянувшегося обеда, и мне захотелось чаю. Ну и, разумеется, мне хотелось быть полезным нашей честной компании. Ну вот, — подсел он к окну, — можно и почаевничать. Впрочем, если хотите, могу предложить коньяку. Коньяк особый, дагестанский, имени большого аварского поэта Расула Гамзатова. Может быть, и наша кулинарка выпьет? — обратился он к попутчице. — Как ваше имя-отчество, соседка?

— Нина Ивановна меня зовут, — пропела старушка и, скосив глаза на мужчину, спросила:

— А вас как величать?

— Меня Валерий Геннадьевич. А вас как зовут, молодой человек? — повернулся он к Кириллу.

— Меня зовут Кириллом, и я с удовольствием отведаю ваш именной коньяк, — ответил

Кирилл и потянулся к чемодану. — У меня тут бутерброды!

Он пододвинул чемодан, чтобы достать бутерброды, аккуратно упакованные Валентиной в дорогу, но Нина Ивановна остановила его:

— Сынок, не надо. Здесь на всех хватит. Я ведь заранее и под выпивку всего положила. Вот рыбка из нашего пруда. Карась, хоть и костлявый, но вкусная. А вот наша домашняя колбаска. Сало с чесноком и перцем есть. Очень полезно под крепкое. Давайте, давайте... Кушайте. Она сняла полотенце с петухами, и перед глазами спутников предстал весьма аппетитный домашний стол.

— А это что? — спросил Валерий Геннадьевич, указывая на светлую бутылку с красной жидкостью.

— Это оно.

— Это что оно? То самое оно, которое скрашивает путешествие? — весело спросил Валерий Геннадьевич.

— Это вино из крыжовника. Называется «Кризис».

— Как, как? — рассмеялся Валерий Геннадьевич.

— «Кризис»! Предупреждаю — крепкое. Может и расхрабрить, если много выпьешь.

— Тогда давайте вначале для храбрости выпьем вина, а уж потом по возрастающей «закусим» коньяком. Вы не против, Кирилл, как вас по батюшке?

— Вадимович, — отозвался Кирилл и присел ближе к столу.

Валерий Геннадьевич подхватил бутылку с вином и бережно разлил его в пластмассовые стаканчики. Себе он добавил еще минеральной воды.

— Я разбавил минеральной водой, чтобы «Кризис» менее чувствительным был. Ну вот остается сказать тост, и мы можем открыть наше совместное путешествие. Поскольку Нина Ивановна у нас одна и к тому же она угощает, то я по старшинству предлагаю выпить за ее здоровье и пожелать ей оставаться еще долгие годы такой доброжелательной и хлебосольной.

— Вы случаем не артист? — неожиданно перебила его Нина Ивановна.

— Вот русский человек, ничего от него не

скроешь! — воскликнул Валерий Геннадьевич, явно польщенный такой прозорливостью своей соседки. — А как вы догадались, Нина Ивановна?

— Уж больно речь кружевная. Говорите, точно из мотка пряжу крутите.

— Спасибо, первый раз меня мотком обложили, — рассмеялся сосед. — Ну что ж, выпьем тогда за вас, Нина Ивановна.

Отведав вина, все принялись пробовать разложенную на столе еду. Валерий Геннадьевич длинными пальцами отстегнул от нарезанного шматка кусочек сала, положил его на черный хлеб и стал пробовать бутерброд, откусывая маленькими кусочками, смакуя и похваливая Нину Ивановну за угощение.

— Вино-то не мое, — охотно призналась Нина Ивановна. — Соседка в дорогу дала. Галя ее зовут. Говорит, кто выпьет мово зелья, непременно в женихи попросится.

Валерий Геннадьевич перестал жевать, подбоченился и, уставившись на Нину Ивановну орлиным взором, спросил:

— А может быть, Гале нужен кризисный менеджер? Наша Галя возраст ограничивает?

— Вот уж об этом не говорили. Но вам, товарищ артист, кажется, поздно, а Кирюше рано.

— Нина Ивановна, я — артист-чтец. У нас возраста нет, должен быть голос и душа.

— А что, у артистов нет, а у чтецов есть душа? — неожиданно спросила Нина Ивановна, доставив своим вопросом явное удовольствие Валерию Геннадьевичу. Он разлил еще вина и, сказав — «была не была», по всей видимости, имея в виду Галю, которая делала это вино, ответил:

— Сейчас ни у тех, ни у других ничего нет. Но было время, когда в этой стране артистов-чтецов ценили. Ценили, как они читали Пушкина, Блока, ну, конечно, Есенина, а сейчас больше других поэтов читают и ценят...

— Евтушенко, что ли? — спросила Нина Ивановна. Валерий Геннадьевич с еще большим удивлением посмотрел на нее, потом на Кирилла и с восхищением воскликнул:

— Вот вам еще одно доказательство — народ все знает и чувствует.

— А мы пели Евтушенко, — разъяснила старушка. — В нашем селе, еще при той власти, очень хороший хор был. Я была даже запева-

лой. Сейчас, правда, уже не то, но если еще выпьем, то негромко и спеть смогу.

— Слушайте, ведь я на конкурс эстрады еду, Нина Ивановна, — мгновенно возгорелся Валерий Геннадьевич. — Да-да, я член жюри конкурса. Я народный артист России Валерий Геннадьевич Резцов. Ну-ка, ну-ка, спивайте нам, милая Нина Ивановна. Но, чтобы голос зазвучал в полную силу, давайте я вам налью вышезаявленного коньячку.

Нина Ивановна проявила некоторое смущение, но Валерий Геннадьевич мгновенно достал коньяк с портретом знаменитого аварского поэта на этикетке и, налив в пластмассовый стакан, пояснил:

— Немного коньяку полезно для вокалистов. Сам Карузо перед выходом в «Аиде» прополаскивал горло хорошим коньяком. Слышали такого певца — Энрико Карузо?

— Энрико он или не Энрико, не помню. Но «Великого Карузо» знаю, недавно фильм видела. Курносый такой. Рано умер этот итальянец. Но голос хороший. Это, конечно, не Лемешев, наш-то красавцем был.

— Ну, Карузо тоже был ничего, Нина Ивановна. Тенор, прямо скажем, непревзойденный был.

— Сейчас повелось за границу хвалить. Ну, может быть, и ничего был ваш Карузо, но голосом наш был позвонче.

— Не буду спорить, Нина Ивановна. Итак, что мы поем, наша дорогая хористка? Вернее, что мне объявить нашему главному члену жюри, — артист указал на Кирилла и вопрошающе уставился на Нину Ивановну.

— Объявляем — «Хотят ли русские войны», — сказала она, пригубив коньяку. Выражение лица Нины Ивановны изменилось, она сосредоточилась, в мгновение помолодела, выпрямила спину и, взяв дыхание, уверенно запела сильным и чистым голосом.

Валерий Геннадьевич в начале первого куплета сделался очень важным, но постепенно по ходу пения выпил коньяку, подобрел, лицо его обмякло, глаза подернулись печалью, и вдруг он прослезился и с умилением стал дирижировать, а потом и подпевать. Последний куплет уже подпевал и Кирилл. Песня сделала свое дело, и все почувствовали себя раскованнее и

совсем по-свойски. Артист потянулся опять за коньяком, налил Кириллу, вновь себе и, вскинув высоко пластмассовый стакан с коньяком, стал читать стихотворение:

*Как ликует за граница
И от счастья воеет воем,
Что мы встали на колени,
.....
А мы встали на колени
Помолиться перед боем.*

— Спасибо, Нина Ивановна. Наш преподаватель, правда, сейчас больше живет за границей, учит американских студентов, но за эти стихи ему спасибо. Что скажете, председатель земного шара, Кирилл, кажется, Вадимович?

— Получилось замечательно, — ответил Кирилл, — но и вы, Валерий Геннадьевич, были на высоте: и пели хорошо, и стихотворение мне понравилось.

— Это стихотворение известного поэта, и прозвучало, кажется, к месту. Нина Ивановна не любит за границу...

— Немцев я не люблю. Как они побывали в нашей Белуге в сорок первом, как наследили, на топтали и поизмывались, так до сих пор отойти не можем. Дочь моя вон глухонемой родилась. — Нина Ивановна замолчала.

— А как после войны жилось? — спросил Валерий Геннадьевич.

— После войны зажили как-то дружнее. Народ хоть и проще был, но умнее, чем сегодня. Настродался он, а страдание разуму лучше всяких институтов учит. Вообще, скажу вам одну историю, а уж там сами судите, когда лучше было. Когда я была на трудовом фронте, моей прабабке уже было сто лет. У нее спросили: бабушка, ты много лет прожила? Да, говорит она. Вот скажи, что с жизнью сделать, чтобы лучше было? «Перестать грешить, — сказала старая. — Грех расслабил телесную мощь русских людей, помрачил наш народный разум, разжег пламень страстей, вражду и злобу. Когда отмоется вся русская земля, всем легче станет».

А скажи, бабушка, — спрашивают ее, — когда жизнь лучше была? И царей ты многих пережила, и до наших дней дотянула. Ответь, какая жизнь лучше была? При царе или вот сей-

час — при Сталине? Она говорит, нет, при Сталине лучше. Царь-то ведь был дурак. Ничего не знал. Сколько коровка молочка дает — не знал, сколько курочка яичек несет — не ведал, сколько от овечки шерсти можно взять — не интересовался. А Сталин умный, он все знает. Яблоко в саду упадет, Сталин и об этом знает. Так она ответила военным.

— Каким военным, Нина Ивановна? — с любопытством спросил артист.

— Главным. Из НКВД. Вот какая жизнь была. Я потом вышла замуж, дочка у меня родилась. Растет, растет, а говорить у нее не получается. Так и не заговорила. Так что война до сих пор в нашем доме прописана.

Видно было, что тяжело ей далось последнее воспоминание.

— Вот и сестра моя, к которой сейчас еду, тоже пережила, не приведи господи, сколько. Дочка ведь тоже глухонемая.

— А где сестра живет? — с сочувствием спросил артист.

— Маняша живет в Лозенске. Заболела сестра у меня.

— Вот так да. Я ведь тоже туда направляюсь. Мы там отборочный тур по выявлению талантов проводим. А вы куда, мой юный друг? — спросил Кирилла артист.

— И я еду в этот город, — весело добавил Кирилл.

— Значит, все дороги ведут в Лозенск. А что с сестрой, Нина Ивановна? Может, надо помочь, так вы скажите. Поднимем местную медицину, похлопочем, и глядишь, выздоровеет ваша Маняша.

— Спасибо на добром слове. Не знаю, к чему приеду. Зять ее звонил, плохи дела. У них там склады с оружием взорвались. А Вячеслав, когда еще военный был, аккуратно неподалеку квартиру получил. А когда вокруг всё стрелять начало, их решили переселять подальше. Переселяли, говорит, в спешке, в какое-то общежитие. Холодно, говорит, в нем, сыро, вот Маняша и заболела.

После рассказа Нины Ивановны Кирилл заинтересованно спросил:

— Всех переселили или кто-нибудь остался?

— Да кто ж знает. Говорят, приказали. И как в войну — чеченцев в один миг куда попало рассо-

вали. Зять говорит, что Маняша сильно хвораёт. К чему приеду — не знаю.

Рассказ Нины Ивановны произвел на артиста тягостное впечатление. Он налил всем коньяку и, взяв стакан, на секунду задумался.

— А мне о взрывах никто и словом не обмолвился. Посылают, как на фронт. А вы слышали что-нибудь об этих взрывах? — неожиданно спросил он Кирилла.

— Слышал.

— А почему я не слышал? — рассердился Валерий Геннадьевич. — И мне бы могли сказать, я — народный артист России, лауреат всероссийских конкурсов Валерий Резцов. Вот дожили, без войны война одолела.

— Ну, может быть, не хотели волновать, — торпливо объяснил Кирилл.

— Как это не хотели волновать! Посылают на эстрадный конкурс человека, члена жюри и не говорят о том, что кругом трагедия. Нина Ивановна, я обещаю вам во всем разобраться. И вашу Маняшу мы поставим на ноги, вот увидите, не волнуйтесь, — попробовал успокоить соседку Резцов.

— А вы какой-то спокойный, Кирилл батюшка? Вы не минер случаем? — осерчал вдруг Валерий Геннадьевич.

— В каком смысле?

— Вы-то зачем едете в такие опасные места? Меня вот искусство мобилизовало, а вас кто?

— И меня искусство мобилизовало, — весело ответил Кирилл.

— В каком смысле?

— В самом прямом.

Чтобы увести тему в сторону, Кирилл не нашел ничего подходящего, как отбить чечеточное колечко под стук колес.

— Так вы тоже артист, что ли?

— Да.

— Чечёточник? — все настойчивее допрашивал подвыпивший Резцов.

— Нет, я тоже, как и вы, член жюри проводимого в Лозенске отборочного конкурса. Вы — Резцов, а я — Марков, руководитель эстрадного коллектива из подмосковного города Кашира.

— Марков, Марков... Не помню такого члена жюри.

— Я вместо Улетовой.

— Улетову, заслуженную артистку России, я знаю, превосходная певица.

— Ну вот! — обрадовался Кирилл, что не забыл свое алиби для поездки на Украину. — Улетовой неожиданно предложили зарубежное турне, и мне пришлось ее заменить в качестве члена в жюри. Я создаю новый коллектив, и мне нужны актеры разных жанров.

— А артисты-чтецы вам нужны?

— И артисты-чтецы нужны. И хорошие стихи для песен нужны. Вот вы появились, и я подумал, что сама судьба мне посылает такого человека, как вы, Валерий Геннадьевич.

— Значит, вместе работать будем?

— Получается так, — подхватил Кирилл.

— Ну что ж, крепим дружбу, — и они пожали друг другу руки. — Помогу с коллективом. Но прежде надо помочь нашей дорогой Нине Ивановне. Нина Ивановна, вот видите, вы в окружении членов жюри. И оба отдают голос за ваше замечательное пение. Давайте выпьем за то, чтобы выздоровела ваша сестра, чтобы вы еще долго были такой земной и красивой и чтобы я, в конце концов, женился на вашей Гале. Передайте ей по возвращении, что ее вино начинает действовать и старый холостяк Резцов, — артист сделал паузу и, подумав, добавил, — готов к переписке.

Нина Ивановна от души рассмеялась и, взяв свой стаканчик с коньяком, ответила:

— Спасибо вам. Я не знала, что встречу таких добрых и внимательных людей. А Гале я передам, что мы ее вспоминали и пусть ждет писем от бубнового короля.

— Да, именно от бубнового короля. А чем я не бубновый король? Так и передайте: от бубнового короля!

Все выпили и продолжили дегустировать разносолы на столе. Кирилл подналег на маринованные грибы, а Резцов не мог оторваться от домашней колбаски. Он все время повторял, глядя на колбаску: «Ах, какие у нее жирненькие глазки».

— Давайте еще что-нибудь споем, — неожиданно предложила Нина Ивановна. — Может быть, вы сейчас начнете, Валерий Геннадьевич, а мы подхватим.

— Я спою. Спою одну песню, скорее даже романс, который преследует и, наверное, будет преследовать меня до конца жизни.

Он отпил коньяку, подержал его на губах и гортани и, проглотив, грустно заметил:

— Сейчас ведь все приватизировали, но хорошую песню приватизировать невозможно, потому что в ней, как правило, все о нас, о нашей жизни. Вот и эта песня про нас, про всех, про всех русских и нерусских, любящих эту страну, в которой, как сказал Блок — «и невозможное возможно, дорога дальняя легка, когда блеснет в пыли дорожной мгновенный взгляд из-под платка».

Валерий Геннадьевич на секунду обнял Нину Ивановну и, откинувшись к стенке и прикрыв глаза, запел красивым поставленным голосом песню, которую Кирилл никогда не слышал. На словах «разойдусь с бедою, с горем повстречаюсь» у Валерия Геннадьевича блеснули слезы.

Поезд стучал колесами, вагоны подрагивали и пошатывались, а в четвертом купе до самого Лозенска так никто и не заснул. Говорили о жизни, о том, что никак не получается зажить достойнее. Но главное было даже не в этом, они вдруг почувствовали, что любую беду можно пережить только вместе, не стесняясь признаться, что все сегодня нуждаются друг в друге.

* * *

На вокзале города Лозенска Нину Ивановну встречал зять сестры Вячеслав. Высокий, худой, с волосами, зачесанными с боков головы на макушку. Когда ветер трепал его жиденькие кудри, он большой рукой заглаживал их наперед. Встретились они с Ниной Ивановной сердечно, оба расплакались. Кирилл быстро нашел такси и, посадив своих спутников, скомандовал ехать к гостинице, а потом по адресу Вячеслава.

Около гостиницы первым высадили Валерия Геннадьевича.

— А как же вы? — выйдя из машины, поинтересовался Резцов, обращаясь к Кириллу.

— Я отвезу Нину Ивановну и Вячеслава до дома, — объяснил Кирилл, — и приеду в гостиницу. Не беспокойтесь, в регистратуре я узнаю ваш номер, и мы продолжим общение.

— Не забывайте, «мы в ответе за тех, кого приручили», — назидательно изрек Резцов и помахал всем рукой на прощание.

Минут через двадцать такси остановилось около обшарпанного, похожего на длинный пенал общежития, здание было панельным и вначале строилось под коровник, но затем беззастенчивое начальство решило приспособить его под жилье для лимитчиков.

В доме Нину Ивановну ждал сюрприз. Оказывается, Маняша, узнав, что к ней едет старшая сестра, внезапно почувствовала себя лучше. Она даже встала с постели. После шумной и сердечной встречи обе сестры устроились в большой комнате без занавесок, а Вячеслав уговорил Кирилла с часок посидеть на радостях в маленькой кухоньке, почти каморке.

— Вы ведь не торопитесь? — спросил он тоскливо, соскучившись по человеческому общению.

— Нет, сегодня суббота, первый день приезда. У членов жюри работы нет, все знакомятся.

— Ну, вот и отлично, и мы познакомимся. У меня хоть теперь, с приездом сестры Нины Ивановны, законный «перекур», — говорил он торопливо, сипловатым голосом, хлопоча вокруг кухонного стола. — Жена на работе. Отпустят только после обеда. Она в кафе поваром работает. А я сейчас опять безработный, — с отчаянной веселостью говорил Вячеслав. — Был охранником на деревообрабатывающем заводе, но отправили в отпуск, а потом уволили. Я ведь военный пенсионер. Оставили двух молодых. Дежурят по очереди.

Вячеслав достал из верхнего шкафчика поллитровку, поставил квашеную капусту, нарезал сардельки, сбегал в большую комнату за салом Нины Ивановны, и вскоре они уже сидели в тесной комнатенке, выпивали и неторопливо беседовали. Выслушав для знакомства о военной биографии майора Гусева, Кирилл перевел разговор на последние события.

— В поезде Нина Ивановна рассказывала о том, что вас переселили из-за каких-то взрывов на складах, — начал он издали. — Когда назад переезжать будете? Здесь ведь тесновато. Спите-то все в большой комнате? С детьми, наверное, неудобно?

— Пока распоряжений о переезде не было. А детей у нас нет. Побоялись завести. Жена моя Верочка глухонемая. Не хотелось, чтобы дети с такой бедой жили. Мы-то свыклись, понимаем друг друга. Без нее я вряд ли живым был. Спас-

ла она меня. На стрельбище меня новобранец подстрелил. Ведь как тогда было, кто первым отстреляется, тот на первом месте. Сержант подгоняет, я тоже подгоняю: скорей, скорей... А у одного молокососа патрон в стволе остался: сержант не проверил. А новобранцы ничего лучшего не придумали, как друг в друга целиться. Я к ним — за такие «игры» наказаться полагается, а этот молокосос с испугу курок нажал. Попал прямо в ляжку. Кровь захлестала, жгутом не перетянешь. Повезли в госпиталь. Пока меня туда-сюда возили, крови литра два вытекло. Уже всё, концы отдавал. А у меня еще кровь неподходящая — четвертая группа, отрицательный резус. Нужно переливание, а крови нет такой. В госпитале моя Верочка уборщицей работала. Она всю кровь мне и отдала. У нее подходящая оказалась. Отдала и сознание потеряла. А когда пришла в себя, я рядом с ней неподалеку лежал. Так мы с тех пор и не расстаемся, все двадцать пять лет рядом.

— Значит, и вы на языке глухонемых разговаривать умеете?

— Конечно. Я одно время у них в кафе «Добрые руки» подрабатывал. Вторая у меня специальность связист — за электротехникой следил перед спектаклем, а во время представления световая партитура на мне была. В начале то неплохо было в этом кафе. Верочка до сих пор там поваром работает. Сейчас победнее, да и концерт поживе. Из первоклассных номеров остался певец Николай Николаев и Марина Осипова — пластический этюд.

— Не понял — чьё это кафе? — переспросил Кирилл.

— У глухонемых в городе есть свое кафе «Добрые руки», — Вячеслав показал что-то на пальцах и засмеялся, увидев реакцию Кирилла.

— И что вы сейчас показали?

— Я не показал, а сказал — «Добрые руки», — и он еще раз повторил те же жесты.

— Интересно, у вас что, в городе много глухонемых?

— Их всюду много, только мы их не замечаем, — с горечью отозвался Вячеслав. — А дело было так: были у нас еще в советские годы на гастролях актеры театра на Таганке; группа пантомимистов Валерия Белякова. Вот он и подсказал одному нашему предпринимателю идею такого кафе.

Когда дошло до дела, Беляков приехал и сделал нам прекрасный спектакль. До сих пор идет, хотя Валеры уже нет — Царство ему небесное. Вот ты, говоришь, приехал смотреть актеров для эстрадного конкурса, так неплохо бы и наших посмотреть. А то ведь наших артистов словно и не существует. Вон, Марина Осипова — первоклассная пантомимистка. И номер — украшение для любого концерта. Сестру ее — Ольгу, между прочим, недавно пригласили в Экспериментальный театр мимики и жеста в Москве.

— Обязательно посмотрю. Где это кафе находится? В том районе, где склады были?

— Куда хватил, склады тут, а кафе там, — Вячеслав махнул в разные стороны рукой.

— Хотя солдатики бегали в это кафе, сшибали наших девчат. Один-то до одури влюбился в Ольгу Осипову. Такая пара была, пока сукин сын в самоволку с двумя другими не смылся.

— И что стало с ними, с этими ребятами? — оживился Кирилл.

— При задержании оказали сопротивление. Они ведь оружие прихватили. Ну и, конечно, погибли. Один, правда, скрылся. Пока не нашли. Смылись они как раз перед тем, как взрываться всё началось.

— А что стало причиной?

— Лесной пожар.

— Сколько боеприпасов взорвалось? — как бы между прочим спросил Кирилл.

— При мне склад насчитывал 95 тысяч боеприпасов. Было все, и даже самое мощное оружие. Слава богу, обошлось. Загодя вывезли. Там ведь когда-то хранились не только снаряды, но и ядерные мины.

— А что это за мины такие? — поинтересовался Кирилл.

— Да это долгая история с этими минами.

— Я никуда не спешу, а получить образование у специалиста совсем не мешает.

— Нет, я не специалист и могу рассказать только в общих чертах. История вопроса проста — гонка вооружения. Мы отставали по этому виду вооружения от американцев лет на пятнадцать. Но после 1964 года, когда сняли Хрущева, началось проектирование и выпуск 240-мм ядерной мины ЗБВ2 в обычном и активно-реактивном исполнении для буксируемых минометов и самоходных «Тюльпа-

нов». Выпускали также ядерные снаряды 3БВ2 для 202-мм гаубицы и самоходных «Акаций». Идея была, как и у американцев, вооружить батальоны и даже полки. Однако в начале 1972 года, вероятно по тайной договоренности с американцами, работы по ядерному вооружению полков и батальонов были прекращены.

— Странно, — перебил Вячеслава Кирилл, — почему все эти «атомные игрушки» обзывали цветочными именами?

— Тут психология наверное срабатывала, чем страшнее оружие, тем безобиднее его называли.

— Ты говоришь, эти «безобидные игрушки» вывезли?

— Вывозили не при мне, но была договоренность все переправить в Россию. Нет-нет, если бы они были, я бы с тобой здесь не выпивал и не разговаривал. Эти «игрушки» рванули бы со всеми другими, и от города ничего бы не осталось. Так что наше застолье протекает еще и потому, что кое-кто в прошлом подумал о будущем. Давай, кстати, вздрогнем, а то ты почти ничего не пьешь — мы так не договаривались. — Вячеслав протянул стопку, и Кирилл, чокнувшись, выпил за здоровье собеседника.

— Жалко ребят, — вернулся к прерванной теме Кирилл. — Мне со стороны все это кажется подставой. С одной стороны — лесной пожар, с другой — накануне взрыва боеприпасов из части уходят в самоволку трое солдат, которые охраняли эти самые склады.

— Я тебе не говорил, что они охраняли склады, откуда ты знаешь? — напряженно глядя на Кирилла, спросил Вячеслав.

Кирилл вздрогнул, словно его поймали за руку или разоблачили.

— Я ведь, Слава, режиссер, — стал выкручиваться Кирилл, — сразу чувствую, когда спектакль, а когда действительно что-то серьезное.

— Брось, нет тут никакого спектакля. Это трагедия. Хорошо, что обошлось и погибло немного людей.

— И сколько же погибло? — не унимался Кирилл.

— Создана официальная комиссия во главе с первым заместителем начальника генерального штаба ВС Украины генерал-полковником Николаем Цицом. Комиссия сообщила, что, по

официальным данным, пострадал один человек.

Кирилл сделал удивленное лицо и усмехнулся.

— Как же один, когда ты только что говорил, что двоих солдат убили, а третий где-то скрывается? Ты, когда рассказываешь, Вячеслав, увязывай все в логику.

— Я не режиссер, но сдается, что ты, может быть, и прав. Может, и впрямь ребята бежали для отвода глаз.

— Когда это было? — опять перебрал тему Кирилл.

— Что когда было?

— Когда начал взрываться склад?

— В среду вечером.

— Сегодня суббота, значит, больше недели. И этого последнего еще не поймали?

— Да если и поймают, жить ему три минуты, — сурово провозгласил Вячеслав. — Уберут как преступника.

— Или как свидетеля! — эмоционально возразил Кирилл.

— Слушай, Кирилл, тебе бы следователем быть, а не режиссером, — повысил голос Вячеслав и от волнения взъерошил свои волосы. — Ты словно пытаешь меня, скажи, что тебе нужно, и я отвечу.

— Да просто правду знать, Слава. Мы в России от каждого вашего кульбита вздрагиваем. Что ж, ты думаешь, нам все до фени, что здесь творится. Лично для меня украинец — тот же русский, только чуть с другим диалектом и говором. А тут у вас в Незалежной такое делается, что диву даешься. Будь этот солдатик здесь, может, мы бы такое узнали, что твои последние волосы дыбом бы встали.

Вячеслав опять взъерошил свои волосы и стал отвечать резче и откровеннее.

— Я, конечно, против глупостей типа: «Любить Украину — значит пожертвовать кацапской родней или тихо ненавидеть свою жену-москальку». Да и вообще считаю, что весь украинский национализм — это давняя авантюра, ловко подогреваемая сегодня Польшей и Штатами. Придумали, что «голодомор» — украинский «холокост», словно можно эти «холокосты» под копирку размножить. Но не вам нас сегодня учить. Такого разобщения между властью и народом, как у вас, ни в одной стране мира нет. У нас хоть выйдешь на Крещатик

и кричи власти — «Нет!» хоть каждый день, а у вас на этот случай статья специальная. Поэтому мы уж лучше без вас разберемся.

— Долго что-то вы разбираетесь, Слава.

— Разберемся, не вам судить теперь. Мы отломанный ломоть — ни армии, ни внятной политики, но и у вас, кажется, кранты с армией. Я, когда охранником работал, — «голоса» слушал. Верить им на десять процентов можно. Но явно одно, все потирают руки от удовольствия: война с Грузией показала — у России наконец-то нет современной армии.

— Нашел, кого слушать — «Голоса»! Они такое наговорят, что у нас и «Искандеров» нет, и «Булава» наша чуть ли не мимо цели стреляет.

— Нет, я этого не скажу. Но как малое знание удаляет от Бога, а большое — приближает к нему, так и незнание современной армии не дает права, мой друг, рассуждать о ней дилетантски. Я хоть какой-никакой в прошлом военный и скажу тебе, что все ваши «Сатаны» давно выработали срок годности и сколько его ни продлевай, новыми они уже больше не станут. Не дай Бог, при пуске будут взрываться. А вот новых ракет армия, как дождя в пустыне, заждалась. Так что американское ПРО под вашим брюхом в Восточной Европе — это гвоздь в голове у всего ракетно-ядерного щита. Ладно, не будем об этом. В мое время армия кое-что значила. И такого бардака в ней не было. А солдатика этого я сам своей бы рукой расстрелял. Как говорится, без суда и следствия, чтобы другим неповадно было. Это ж надо, такой пост бросить. Слава богу, что жертв мало. Если бы народу больше погибло, его, поймав, разорвали бы на части. И ведь парень-то неплохой был. Что с ним сделалось, ума не приложу? Одно время я его часто видел с нашей Ольгой. У них, кажется, всерьез было. А видишь, как вышло — один всё просрал, а другая — звездочка, в Москве теперь.

— А может, и он подался в Москву? Там ведь легче всего затеряться.

— Нет, это ты брось. Наши все перекрыли. В Москву из Лозенска незамеченным не поедешь. Он где-то здесь, среди наших, кто-то пожалел парня и прячет.

— Когда в кафе пригласишь? — неожиданно спросил Кирилл. — Мне же работать надо. Хочу послушать вашего певца, посмотреть сест-

ренку московской звездочки. В субботу в этом кафе есть программа?

— Только в субботу и есть программа. Кстати, можем поехать хоть сейчас, поужинаем. Познакомлю с моим Верунчиком. Она нам первоклассные шашлыки приготовит. А что, давай действительно поедем. Что здесь в конуре париться?

Кирилл молча в знак согласия кивнул, и Вячеслав пошел в комнату, где вперемежку с воспоминаниями обе сестры чаевничали. Переговорив с ними и получив одобрение на культурную программу, мужчины на автобусе поехали в центр города, где находилось кафе «Добрые руки».

* * *

Приехав в центр, Вячеслав, прежде всего, отвел Кирилла в гостиницу, чтобы тот оставил вещи. Оформив документы и узнав, в каком номере остановился Валерий Геннадьевич, Кирилл поднялся к себе на второй этаж. Номер был небольшой, одноместный, но с телефоном и телевизором. Он быстро переоделся в новый костюм, купленный накануне под присмотром Валентины, и уже перед выходом взгляд его остановился на телефоне. Почти механически он достал записку с номерами для связи и позвонил. Это был местный телефон, потому что мужской голос ответил на украинском. Когда Кирилл представился, этот же голос мгновенно заговорил на отличном русском языке. Кирилл быстро доложил о своем прибытии и первых попытках понять здешнюю ситуацию. По ходу дела он совершенно неожиданно для себя и собеседника попросил выяснять, не вертится ли рядом с недавно принятой в Экспериментальный театр мимики и жеста в Москве актрисой Ольгой Осиповой из Лозенска молодой человек, военнотружающий, сбежавший из этого же города. Договорившись о запросе и ответе в максимально короткий срок, он спустился вниз и заметил Валерия Геннадьевича. Подождав, когда известный артист проследует в ресторан, находившийся на первом этаже, Кирилл пошел на выход, где ждал его Вячеслав.

Кафе «Добрые руки» находилось в центре города, в уютном полуподвальном помещении. Вместо указателей посетителям служили отпечатки человеческих рук, сопровождавшие их повсюду, они были разные — детские, материнские, предупреждающие об опасности или распахнутые для дружеских объятий. В центре висел портрет Клавдии Шульженко со вскинутыми вверх руками. Под портретом на нотном стане лежала табличка с цитатой из ее песни «Руки — вы словно две большие птицы». Народу было много, тихо звучала эстрадная музыка. Приглядевшись, Кирилл заметил, что какой-то худенький курносый мальчишка в черной рубашке поет в глубине зала на небольшой эстраде. Это была знаменитая французская песня «Осенние листья», которую в свое время с огромным успехом пел Ив Монган. Последний куплет певец продолжил на французском языке, и посетители стали ему аплодировать. Видно было, что его любят, особенно молодежная аудитория. В обозримом пространстве свободных столиков не было. Вячеслав условными знаками подозвал миниатюрную официантку в белой рубашке и черных брюках, на ремне которой было пристроено тугое портмоне. Она доставала оттуда деньги или небольшой блокнот для записи заказов. Заметив Вячеслава, официантка в одно мгновение оказалась рядом и повела их ближе к эстраде, где были зарезервированы места для особых гостей.

— Приятное кафе, — негромко отметил Кирилл, усаживаясь за круглый стол на две персоны, и, осмотревшись, тихо добавил, — нас, кажется, готовы уважать.

— Еще бы. Моя Верунька здесь в складчину. Я в свое время половину своего офицерского отставного пособия отдал сюда.

— И большое пособие давали при советской власти?

Вячеслав махнул рукой и рассмеялся.

— Не хочется вспоминать. Лучше я тебе анекдотом отвечу:

Василий Иванович с Петькой сидят, скучают.

Василий Иванович:

— Петька, сгоняй на хутор к старику-самогонщику, сообрази чего-нибудь!

— Это можно.

Через час Петька возвращается.

Василий Иванович:

— Ну, как?

— Да нет у него ни фи́га.

— Эх, молодежь, всему вас учить надо. Пойдем. Приходят к деду.

Василий Иванович:

— Здорово, отец!

— Здорово, сынки!

— Мы вот к тебе от имени советской власти.

Вот, я гляжу, хата у тебя старая.

— Ох, какая старая!

— Петька, запиши: новую хату ему от советской власти! И жена у тебя вроде старая...

— Ой, какая старая!!

— Петька, запиши: новую жену ему от советской власти!

— Сынки! Родненькие! Да сколько ж я вас ждал!

Ну, сели за стол, выпили, с собой взяли. Уже в дверях Василий Иванович, как бы невзначай:

— Слышишь, дед, а может, у тебя и х.. старый?

— Уж какой старый!

— Петька, запиши: — х... ему от советской власти.

Кирилл рассмеялся и, хлопнув Вячеслава по плечу, сказал: — Анекдот с бородой, но рассказал классно.

— Точнее, к месту, — подытожил Вячеслав. — Я застал советскую власть «на выходе», в это время офицеров уже не баловали. Как говорится, хватило на первое время. А потом только и помню, как батрачил где ни попадя. Вот и здесь довелось поработать. А когда начался кризис, мне сказали: либо ты герой, либо Верунька. Куда солдату податься, кто бы спорил, а я проголосовал за Веруньку. Теперь она у нас главный кормилец.

Вскоре к ним подошла официантка. Вячеслав быстро просигналил ей что-то руками, условился о заказе и, повернувшись к Кириллу, доложил.

— Веруньке я передал, что дома все в порядке: бабки всюю пируют. А нам попросил два шашлыка и триста граммов водки.

— А почему не коньяка? — возразил Кирилл. — Здесь, Слава, угощать буду я, — решительно заявил Кирилл, — и поэтому к шашлыку твоей Веруньки пусть нам подадут хорошего коньяку.

Вячеслав успел переменить заказ, и они снова стали слушать певца.

— Хочешь, угадаю, как имя этого певца? — повеселевшим голосом спросил Кирилл.

— Ну, попробуй, — ухмыльнулся Вячеслав, уже забывший, что он рассказывал о талантливом певце Николае Николаеве.

— Зовут этого парня Николай Николаев.

— Ты что, афишу где-то увидел? — изумился Вячеслав.

— Нет, есть тут один рекламист, по имени Славка из Лозенска. Вот он мне и протрепался про местные таланты. Кстати, а где знаменитая Марина Осипова? Когда ее номер?

— Марина будет выступать почти в конце программы. В субботу она последним автобусом в село Степки ездит. Продукты маме возит, туда из-за кризиса перестала ездить автолавка. Вот Маринка и тащит отсюда всякую снедь. Получит субботний гонорар и весь отдает, потому что ровно на эту сумму с утра одалживает деньги для покупок.

— Я смотрю, вы тут все друг про друга знаете? — удивился Кирилл.

— А чего же не знать, у меня здесь жена работает. Да и городок весь как на ладони. Побудь ты здесь с месячишко, тебя каждая вторая собака за своего парня начнет принимать.

— А с Мариной ты можешь меня познакомить? — подмигнув Вячеславу, спросил Кирилл.

— А почему нет? Закажем сладкое и попросим, чтобы она ненадолго к нам подседа. Я тебя представлю как члена жюри, который заинтересовался её талантом. Если что не так — поправляй. Скажу, что надо.

— Да нет, все так. Только как бы не разволновалась перед выступлением? Может, после концерта?

— После концерта она уедет.

— А она красивая? — неожиданно спросил Кирилл.

— Ну, видать, тебя достала жизнь, Кирюха, не видел бабу, а уже немоготу. Красивая, даже очень. И формы подходящие, несмотря на то, что пантомимой занимается. Правда, Маринка складывается пополам, — принялся наигрывать Вячеслав, — и если бы ты был кенгуру-мама, то мог бы спрятать ее в сумку.

— Так она что, не женщина, а полпорции? — расстроился Кирилл.

— Придет, увидишь. На вкус и цвет товарищей нет.

Вячеслав вновь подозвал официантку и жес-

тами что-то объяснил ей. Та кивнула и, обогнув эстрадную площадку, вошла в узкую дверь, где, по-видимому, располагались артисты. Вскоре официантка принесла мороженое, чашечку кофе и графин с коньяком.

— А где же наш шашлык? — поинтересовался Кирилл.

— Надо подождать. Веруньке доложили, что я с гостем из Москвы, поэтому шашлык делается по особому рецепту.

Неожиданно из двери в конце эстрадной площадки появилась очаровательная хрупкая девушка лет восемнадцати. Когда она проходила между столиками, несколько человек приветствовали ее аплодисментами. Она подошла к столику и с белоснежной улыбкой протянула руку Вячеславу. Тот, указывая на Кирилла, объяснил ей жестами, кто его гость, и предложил девушке присесть. Она кивком головы поприветствовала Кирилла и бесшумно села на край стула. Вячеслав подвинул к ней мороженое и предложил Кириллу, не сводящему с девушки взгляд, разлить коньяк.

После представления мужчины выпили и тотчас налили по второй. Неловкость ситуации спасло появление официантки с дымящимися шашлыками на тарелках. Мужчины принялись громко выражать удовольствие от вида хорошо приготовленного шашлыка, а Марина кивала головой, показывая, что разделяет их одобрение. Наскоро прожевав два куска, Кирилл поспешил с вопросом:

— Спроси у Марины, долго ли она работала над номером, который сегодня будет показывать? — обратился он к Вячеславу.

Вячеслав жестами задал вопрос и, получив ответ, сказал:

— Она говорит, а чего ей что-то рассказывать, когда я все и так знаю про нее.

— Ну, тогда рассказывай ты, — потребовал Кирилл и кивком головы дал понять Марине, что понял ответ на свой вопрос.

В этот момент в кармане Кирилла зазвонил мобильный, и он, достав телефон, отошел от стола к ближайшему окну. К счастью, певец в это время не пел и в возникшей паузе он отчетливо услышал:

— Докладываю, что названная вами актриса по фамилии Осипова Ольга никогда в Эксперимен-

тальном театре мимики и жеста не работала и даже не участвовала в кастинге. По второму вопросу соответственно ответ тоже отрицательный.

Дальше абонент пожелал успешной работы и при необходимости просил звонить. Кирилл успел только поблагодарить, как связь оборвалась. Вернувшись к столу, Кирилл попытался скрыть свое волнение, однако Вячеслав заметил его состояние и, оторвавшись от шашлыка, спросил:

— Какие-нибудь неприятности?

— Нет, просто звонил директор моего коллектива, интересовался, как идут дела. Не нашел ли я новый номер для ноябрьского праздника?

— А вы до сих пор Октябрьскую революцию отмечаете? — с удивлением спросил Вячеслав.

— Мы отмечаем, а за других не отвечаем, — с бравадой ответил Кирилл и налег на шашлык, искоса изучая сидевшую рядом девушку. Марина была светленькой, с длинными распущенными волосами, густыми и ухоженными. Лицо красивое, но сосредоточенное и замкнутое. Контрастом всему были ее зеленые глаза. Чувствуя, что ее разглядывают, они бегали из стороны в сторону, как стрелки метронома.

— Что ей такое наговорил Вячеслав, что она в мою сторону даже смотреть не хочет? — думал Кирилл, прикидывая, как быть дальше, если его предположения окажутся верными. Ему показалось, что его волнение передалось и ей. Она торпливо доела мороженое и нервно стала что-то объяснять Вячеславу.

Вячеслав повернулся к Кириллу.

— Она благодарит за угощение, — сказал он, — но от кофе отказывается. Просит прощения, что не может долго сидеть за столом, потому что пора готовиться к выступлению.

Когда Вячеслав закончил — девушка вновь улыбнулась той приятной улыбкой, которая запомнилась Кириллу при знакомстве. Проводив взглядом ее стройную фигурку, скрывшуюся в дверях, Кирилл повернулся к Вячеславу и с грустью заметил:

— Кажется, я ей не понравился.

— Не в этом дело, — с хмельным азартом возразил Вячеслав, — просто ты ее испугал. Ты же изучал ее, как под микроскопом. У девочки глаза бегали, как у перепуганной зверюшки.

— А ее сестра такая же пугливая, как эта? — разливая коньяк, спросил Кирилл.

— Нет, та у них всегда была лидером. Ольга покрупнее и покрепче. Она вертела младшую как пропеллер. У них был сногшибательный номер «Истребитель». Здорово выходило у девчат. Полная иллюзия, что они в самолете, на боевом задании и отбиваются от фашистской эскадры. Я тогда сидел на свете, вон в той кабине, — Вячеслав указал на будку, которую Кирилл до этого не заметил, — и делал вместе с пулеметной очередью световые прострелы из пистолетов. — Присвистывая, он даже показал рукой, как это у него получалось.

— А чего это старшая сестра не взяла с собой Марину в Москву? — как бы между прочим спросил Кирилл.

— Не знаю. Говорят, не поладили. Артистки — народ капризный.

— Они что, плохо уживались между собой?

— Нет, я этого не замечал. Говорят, то ли этого «бегуна» не поделили, то ли решили каждая своим путем пойти. В общем, надоели друг другу, — засмеялся Вячеслав и потянулся с рюмкой к Кириллу. — Знаешь, за что я предлагаю выпить?

— Неужели за дружбу?

— Это само собой. Я хочу, чтобы ты присмотрелся к Маринке. Поверь, у нее очень хороший номер. И девчонка она привлекательная. Только прошу тебя, если она тебе понравится и ты пригласишь ее в свою программу — не обижай! Их обижать нельзя! Потому что это бес-чело-вечно!

Кирилл с предложенной постановкой вопроса согласился и пообещал в случае творческого контакта всегда помнить пожелание Вячеслава.

Прошло не более получаса, как диктор объявил выступление Марины Осиповой. Молодежная часть кафе, сидевшая ближе к эстраде, бурно отреагировала на объявление исполнительницы аплодисментами, некоторые даже засвистели.

Номер Марины Осиповой сразу всех захватил. В зале и на сцене забегали всполохи света, зазвучала тема из бетховенской сонаты. Посетители кафе, оторвавшись от коктейлей, курения и праздных разговоров, затаив дыхание, следили за одним из красивейших и труднейших искусств в мире — пантомимой. Марина исполнила три этюда: «Земля», «Дерево» и «Огонь», которые были связаны единой логикой жизни и

смерти. Эффектно решена была последняя часть этюда — переход от жизни дерева к стихии огня. Но самым впечатляющим был финал выступления: в одно мгновение на артистке коричневое трико превратилось в красное, а всполохи огня, создаваемые игрой света, руками и длинными распущенными волосами исполнительницы с нарастающей силой стали охватывать исчезающее дерево. Когда разгулявшаяся огненная стихия достигла своей кульминации, все неожиданно оборвалось, и на темной эстраде в небольшом световом пятнышке появился цветок — символ возрождения жизни.

Под аплодисменты зрителей цветов стал расти и неторопливо тянуться к солнцу. Номер закончился, и в зале послышались возгласы «браво», зрители от всей души принялись скандировать молодой актрисе.

Подошла официантка и что-то стала объяснять Вячеславу. Тот замотал головой, поднялся, сказав на ходу Кириллу:

— Я ненадолго. Вера давно закончила работу и спрашивает, ждать меня или я еще побуду с тобой?

— Передай ей спасибо за шашлыки. Я думаю, хватит, мы закончили, только поблагодарим Марину за прекрасное выступление — и по домам.

— Тогда я на минутку загляну к своей жене и договорюсь с Осиповой, чтобы та не уходила, не повидавшись с тобой.

Когда Вячеслав ушел, Кирилл подозвал официантку и дал понять, что хочет расплатиться. Девушка закивала головой, достала из портмоне записную книжку и, написав что-то, вырвала страницу и передала Кириллу.

На листке аккуратным почерком было написано: «Слава не обидится, что вы хотите расплатиться? Вы ведь его гость?»

Кирилл уверенно закивал, что, мол, все будет в порядке, и тогда официантка на этом же листке написала сумму. Кирилл расплатился и нелепо стал прощаться, что-то объясняя ей руками.

Увидев появившегося вдалеке Вячеслава, Кирилл не стал ждать и пошел навстречу.

— Ну, что, все в порядке? — спросил Вячеслав, видимо, имея в виду расчет с официанткой.

— Конечно, в порядке. Мы же с тобой договорились, что здесь ты мой гость.

Они вышли из кафе и остановились, ожидая

женщин. Вскоре появились Марина Осипова в длинном черном плаще с двумя тяжелыми сумками в руках и Верунька — невысокого роста, пухленькая блондинка лет пятидесяти, одетая в темно-красную болоньевую куртку. Вячеслав представил свою жену, потом долго объяснял что-то Марине, показывая на Кирилла. Кирилл в такт объяснениям кивал головой и не переставая улыбался. Наконец Вячеслав перевел весь разговор:

— Марина рада, что её выступление понравилось. Это первое. Второе, о возможности работать в другом городе говорит, что пока и речи не может быть, поскольку очень нездорова мать. Просит прийти в кафе в следующую субботу, она хочет показать новый номер.

Кирилл одобрительно кивнул и попросил передать, что, если обстоятельства позволят, он непременно будет на этой премьере. Марина протянула Кириллу руку, попрощалась с Вячеславом и Верой и пошла в сторону автобусной станции. Кирилл тоже стал торопливо прощаться с Вячеславом и его женой.

— Я в двадцать втором номере, так что, Слава, прошу в гости. У нас внизу ресторан, можно встретиться, посидеть... А в целом, все отлично, прекрасно провели время, спасибо тебе за все.

— Хорошо, — согласился Вячеслав, — я тебя в понедельник найду. Будет желание, покажу город. Он у нас хоть и мал золотник, но есть места — не оторвешь взгляда. Пока, дружище. Спасибо тебе за компанию. — Вячеслав протянул руку и извинительно добавил:

— Провожать не будем. Верунька устала. Вон угол твоей гостиницы, — указал он в сторону центра.

Они попрощались и пошли в разные стороны. Как только Вячеслав с женой завернули за угол, Кирилл стал искать такси, которого как назло не было. Пришлось схватить подвернувшегося частника, похожего на старого учителя. У него был большой нос, над которым нависали большие уши, и, ко всему прочему, на кончике носа висели очки в перламутровой оправе.

— Куда едем? — доброжелательно спросил очкарик.

— Пока к автобусной станции, — заговорщически ответил Кирилл и тотчас протянул крупную купюру.

— Это за что такая щедрость? — улыбнулся очкарик и стал аккуратно складывать деньги.

Кирилл уже придумал версию и, скорчив драматическую мину, объявил:

— Не хочу врать, слезу за одной... женщиной.

— Понятно, — почему-то обрадовался водитель, — муж-сыщик?

— Что-то в этом роде.

— Надолго?

— По обстоятельствам.

— Да хоть до утра, я выспался.

Они подъехали к автовокзалу.

Кирилл высмотрел автобус, в котором сидела у окна Марина, и объяснил:

— Как только тронется вон тот автобус, мы на определенном расстоянии поедим за ним. Договорились?

— Задание понял, — озорно ответил очкарик, уставившись на автобус.

Кирилл решил на всякий случай посоветоваться и, выйдя из машины, вновь позвонил по одному из номеров связи. Когда на той стороне откликнулись, он быстро рассказал о ситуации и попросил помощи, сославшись на то, что человек, который его интересует, по всей видимости, вооружен и может оказать сопротивление. Ответ был однозначным:

— Помощь будет, но не раньше чем через два часа.

Спросили о примерном месте встречи.

Кирилл назвал село Степки. Ответ Кирилла обрадовал:

— Это уже лучше.

— Почему? — поинтересовался Кирилл.

— Это в нашу сторону. Мы сможем быть там через полтора часа.

— А разве вы не в Киеве?

— Нет, мы ближе. Ждите, я позвоню.

Связь оборвалась, когда Кириллу еще хотелось что-то сказать. «Ладно, — подумал он, — и так везет, диву даешься».

Он заметил, что автобус начал выезжать на дорогу, и быстро нырнул в машину на заднее сиденье. Ехали долго. Дорога была разъезженной и ухабистой, но «жигуленок» гудел ровно, держась на приличной дистанции от автобуса. Водитель начал было развлекать щедрого пассажира, но Кирилл пару раз промолчал и даже стал подремывать. Выпито было немало, и он с трудом

справлялся, чтобы не уснуть. Взглянув после одного из ухабов на часы, он заметил, что они уже тащатся около полутора часов. На одном из поворотов он увидел, как после проезда автобуса зажглись фары у стоявшей на обочине «Волги». Кирилл попросил остановиться и, успокоив водителя, быстро направился к машине, где сидели двое мужчин молодцеватого вида. Коротко обсудив ситуацию и договорившись действовать только по команде Кирилла, они стали догонять автобус. Когда автобус въехал в село, первой на остановке вышла Марина. Кирилл незаметно выскользнул из машины и жестами договорился с помощниками, что теперь будет держать связь по телефону. Ему не хотелось, чтобы в случае ошибки по его вине ребята еще и жигу деревенскую месили. Он шел за Мариной на довольно приличном расстоянии и старался не попадать под свет фонарей на столбах.

Вдруг Марина свернула с центральной дороги и пошла к двум стоявшим на отшибе домам. На беду подала голос собака из-за одного из заборов. Кирилл остановился и стал всматриваться, в какой из двух домов войдет Марина. Когда фигурка девушки мелькнула под фонарем второго дома, Кирилл успокоился. «Все, — подумал он, — теперь надо ужом пролезть мимо собаки». Но не тут-то было! Чем ближе приближался Кирилл к первому дому, тем яростнее лаял пес. Присмотревшись повнимательней к местности, он понял, что, вернувшись на центральный тракт, можно подойти ко второму дому с противоположной стороны. Он быстро вернулся на дорогу и пошел в обход. Злая собака уменьшила свое недовольство и вскоре, пофыркивая и потявкывая, затихла. Поднявшись вверх по дороге, на которой уже никого из приехавших не было, Кирилл нашел место, где был старый автомобильный спуск к стоящим отдельно двум домам. Присмотревшись, Кирилл увидел, что по сути эти два дома были старыми, очень похожими друг на друга избами. Стараясь двигаться как можно бесшумнее, он стал спускаться к крайней. Пройдя ржавый гараж с одной стороны, потом заброшенный коровник — с другой, он тенью подошел к забору второй избы. В одном месте к деревянному забору была прилажена полуразвалившаяся скамейка, видимо, место былых посиделок местных ста-

рушек-пенсионерок. Теперь скамейка еле держалась, но благодаря ей он легко перелез через забор. Еще одно усилие, и Кирилл оказался у освещенного окна. В избе была еще одна женщина. Внимательно присмотревшись к ней, Кириллу показалось, что она в положении и по описанию похожа на старшую сестру Марины Ольгу. Действительно, это была она — Ольга Осипова. Старшая сестра надевала пальто и что-то говорила Марине, которая переключала в отдельный пакет привезенные продукты. «Так вот он, секрет отъезда, якобы в Москву, — подумал Кирилл, — теперь остается узнать, где тот, кто этот секрет «надул».

Он перемахнул через забор и, отойдя в сторону, позвонил своим, чтобы они следили за дорогой и следовали за женщиной, которая готовится выйти из дома.

— По моим расчетам, — пояснил он, — женщина идет к объекту. Это единственный живой свидетель. Поэтому сами понимаете...

— Марков, мы знаем, что нам делать. Прошу вас не рисковать. Мы примем объект и проведем его до цели. Возвращайтесь к машине и ждите звонка.

Спрятавшись за гараж, Кирилл стал ждать. Вскоре заскрипела калитка, и на дороге в свете тускло горевшего фонаря появилась Ольга Осипова с тяжелой сумкой в руках.

Она вышла на центральную дорогу и осторожно, не торопясь, пошла в противоположную сторону, на край села.

Кирилл заметил, как следом мелькнули две тени. Теперь он мог на секунду расслабиться.

Подождав минут пять, он быстрым шагом вернулся к ожидавшему его «жигуленку».

Перепуганный очкарик, увидев его, несказанно обрадовался.

— А я думал, вас там поколотили, потому что эти ваши приятели бросили «Волгу» и помчались в вашу сторону.

— Нет, все в порядке. Они с ним разберутся.

— Но, надеюсь, все это будет... пристойно? — вдруг очкарик перепуганно добавил: — Без крови?

— Не волнуйтесь, шеф. Я вас не подведу.

Кирилл достал еще одну крупную купюру и двумя пальцами передал деньги водителю.

— Спасибо! — восхищенно выдохнул водитель.

— Теперь возьму отпуск на неделю.

Прошло минут десять-пятнадцать, когда на дороге показался человек. Это был водитель «Волги». Он бегом подлетел к стоявшей невдалеке машине, мотор взревел, и машина со скрипом пошла вверх по дороге.

С этой минуты Кирилл не находил себе места. В какой-то момент он даже хотел ринуться туда, на край села, чтобы чем-то помочь. Однако сдержал себя, продолжая прислушиваться, не начнется ли перестрелка. Прошло минут десять. Наконец вдалеке высветились фары. Это возвращалась «Волга». Машина на полном ходу проехала мимо, но Кирилл успел заметить на заднем сиденье еще одного человека. Это был молодой парень в военной форме.

— Ну что, теперь и мы можем возвращаться? — спросил обрадованный водитель. — Кажется, мы недаром съездили?

— Да, мы можем возвращаться, — уставшим голосом отозвался Кирилл. — Спасибо вам.

Около трех часов ночи Кирилл вернулся в гостиницу и, проходя мимо номера Валерия Геннадьевича, к своему удивлению, увидел приоткрытую дверь, клубы дыма и говор, который громко перекрывал баритон хозяина номера:

— Дорогие друзья, коллеги, хочу вам сказать совсем уже на посюток вот еще о чем. Настоящий художник, а мы, собравшиеся здесь, именно художники, должен быть еще и мечтателем. Мы обязаны, как бы нам сегодня ни было тяжело, сколько бы нас ни запугивали новой войной или новыми перестройками, чувствовать будущее. Я многое повидал и немало прожил, но убежден, что, несмотря ни на что, мы выстоим. Мы еще не раз будем удивлять всех нашей огромной неустроенной, но великой страной, где есть по-прежнему и место Чуду, и время Вере. Простите, но я хочу еще раз вам что-то прочитать.

— Читайте, читайте, — послышались голоса, и воцарилось молчание.

— Эти строчки о каждом из нас, а стихотворение — «Перед иконой» рано ушедшего из жизни поэта, моего друга Юрия Петухова:

Что ж ты, Господи,

смотришь так пристально-пристально,

будто пристав карающий, будто я пред Тобою злодей.

*Ты меня не кори, ни приюта мне нету, ни пристани.
Ты меня не гони, Ты меня в этот раз пожалей.*

*Среди праздных меня Ты не видел,
ведь Ты же всевидящий,
Среди алчущих злата и власти меня не встречал.
А взалкал коли я, Ты меня извини, я взалкал ненавидяще
Лжи-неправды обманнные грезы,
лишь правду земную взалкал!*

*Нет её. Что ж, тужить — горевать — так устроено,
Лишь на небе есть Царство,
а под небом лишь слякоть и смрад.
Все давно уж прописано в книгах, всё смерено-скроено,
Всё пристроено — строим — стремительно
— шествуем — в ад!*

*Я один у Тебя и наивный, и в праведность верящий.
Где второго такого найдешь, не ищи и не мучай Себя...
Ты — заря над землею погасшей, и Свет Твой доверчивый
Лишь в одном отражается сердце. Но вижу, все зря...*

*Всё напрасно, всё мимо, всё попусту-побоку.
Не меня ж одного Ты явился спасать.
Ты на облаке белом... И я здесь иду, как по облаку —
Твой забытый посланник, бывшая Твоя благодать.*

*Не смотри же так строго, так ярко,
так пристально-пристально,
Я не вор, не убийца, не проклятый миром злодей,
Я не изгнанный ангел в ковчеге у пристани избранных,
Я Твой Свет на земле...
Ты Свой свет в темноте не жалей!*

Раздались аплодисменты, громкие возгласы, кто-то крикнул: «Браво, Валерий Геннадьевич!», но Кирилл уже не в состоянии был прислушиваться и оценивать все происходящее. Он зашел в свой номер, стянул с себя одежду, бросил её комком в кресло и ничком повалился на постель. Вскоре он спал, а в соседнем номере продолжалось застолье: творческая интеллигенция, несмотря на кризис, раздрай и отсутствие мало-мальски значимых целей, развлекалась, и казалось, конца и края этому не будет. В конце застолья подвыпившая московская балерина — член жюри по танцевальному жанру, полезла на стол и стала изображать Кармен. Все были в восторге и аплодировали

ей как полоумные. Как ни уговаривал Валерий Геннадьевич остановиться и не превращать первую встречу столь «высокого собрания» в шабаш ведьм и вампиров, ничего не помогло. Вырвавшись на просторы украинской провинции, русская интеллигенция стебалась и отрывалась по полной программе.

* * *

Телефон зазвонил, когда Виктория Сергеевна уже спала. Спросонья она взглянула на стенные часы — половина первого ночи. В трубке раздался нетрезвый голос мужчины.

— Есть предложение встретиться по одному делу. Вы ведь жена пропавшего?

Виктория Сергеевна моментально пришла в себя и вцепилась в трубку обеими руками.

— И что вы мне хотите сказать?

— Нет, вы скажите, вы жена пропавшего?

— Да-да, я его жена. Говорите, что вам известно?

— Известно все, что нужно, но это будет кое-что стоить. И чтобы без всяких ментов и детективов. Иначе все уйдет с концами, а вы ничего так и не узнаете. Вы готовы встретиться за определенную сумму? Нет, не подумайте, что для глупостей. Я вам дам кое-какие сведения, а вы мне определенные деньги за эти сведения.

— Сколько и где встретимся? — ни секунды не думая, ответила Виктория Сергеевна.

— Давайте встретимся на Садовом кольце, в «Кофемании». Это рядом с домом Чайковского.

— Когда и сколько вы хотите за ваши сведения? — спросила она нетерпеливо.

— Мы хотим немного — 10 тысяч бабла и ни копейки больше.

Виктория Сергеевна прикинула, сколько из этой суммы у нее есть, и решила поторговаться.

— Бабло вы хотите в долларах? — встраиваясь в стилистику разговора, выясняла она.

— Конечно. Можно и в деревянных по курсу.

— Вы считаете, что ваши сведения стоят таких денег?

— Они стоят больше. Но мы по-человечески подходим к вам. Вы сейчас мать-одиночка. Если не хотите, то так и скажите — не хочу, и я положу трубку.

— Нет-нет, я готова и на такую сумму, но только не завтра утром.

— Не выйдет. Именно завтра. Если позже, то вы начнете звонить и собирать милицейскую шуштуру. А завтра — в самый раз. Сегодня поздно, а завтра самое то. — Собеседнику понравилось собственное определение, и он хмыкнул от удовольствия. — Но даже если и притащите хвост, у вас ничего не выйдет. Мы имеем собачий нюх на подставу. В результате упустите последний шанс и тогда пеняйте на себя. Так что, встречаемся или нет?

— Как я вас узнаю?

— Будьте в 9 утра, и к вам подойдут. Договорились?

— Я согласна.

— И чтобы никаких провокаций! Договорились?

— Не беспокойтесь, я приеду одна. Там машину оставить можно?

— Хоть две. Пока. До утра. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — успела сказать Виктория Сергеевна, и в трубке раздались гудки. Она прикинула, сколько у нее денег спрятано в шкафу на черный день, и поняла, что этого явно не хватит. Тогда она стала перебирать в памяти, кому сейчас еще не поздно позвонить и попросить о помощи. Достав свою большую записную книжку, она села на кухне с телефоном и стала обзванивать всех подряд. Виктория Сергеевна так была возбуждена и говорила так громко, что разбудила Игоря. На вопросы сына она сочинила довольно путаную историю, что ее друзья просят достать денег для поездки за границу. Игорь без труда понял, что мама чего-то недоговаривает. Он пошел спать в дальнюю комнату, где долго не мог заснуть, слыша переговоры Виктории Сергеевны о деньгах.

В конце концов, Виктории Сергеевне удалось набрать требуемую сумму, и рано утром она поехала по знакомым собирать обещанные деньги. Ровно в девять часов она поставила свою «Мазду» на стоянке около дома Чайковского и вошла в кафе.

Несмотря на раннее утро, народу в «Кофемании» было много. Красивая светло-оранжевая окраска стен, запах кофе, бодро спящие, несмотря на ранний час, молодые официанты, на секунду отвлекли ее от тревожных мыслей. Она

села около стены, завешанной какими-то снимками вокзалов и железных дорог, за столик для двух человек. Вскоре подошла официантка, и Виктория Сергеевна заказала кофе и яичницу с беконом. Все это время она не переставала всматриваться в лица входивших в кафе мужчин. Неожиданно к ней подсел высокий красивый брюнет в очках, сквозь стекла которых смотрели светло-карие глаза с набухшими веками. На вид ему было лет тридцать, хотя небольшие залысины делали его старше. Вошел он без верхней одежды, в черном костюме и черной водолазке, с крупным значком на пиджаке, который она постеснялась рассматривать. Было явно, что молодой мужчина где-то неподалеку живет или работает. В этот год в октябре без плаща или пальто москвичи уже не ходили. Мужчина заказал себе красного вина, колбаски с овощным гарниром и явно не собиравшись с ней вступить в диалог. Виктория Сергеевна даже обиделась на такое невнимание. «Надутый индюк», — успела подумать она, как вдруг сосед, указывая на ее яичницу, спросил:

— Бекончик, славенький или так себе?

Вопрос прозвучал как-то по-одесски, и она как можно доброжелательнее ответила:

— Славенький. Мне нравится.

— Может быть, мне заказать и яичницу? — несколько отстраненно и возвышенно произнес мужчина, то ли советуясь с Викторией Сергеевной, то ли с господом Богом. По всей видимости, совет последовал незамедлительно, потому что, окликнув официантку, мужчина сделал дополнительный заказ. На всякий случай Виктория Сергеевна переместила сумку с деньгами на руку. Есть стало неловко, но спокойнее. Мужчина заметил эту неловкость и посоветовал:

— Сумочку-то положите.

— Куда? — тревожно спросила она.

— А вот на большую батарею. Придумали здесь эту паровозную трихомудию, только место занимает.

Она посмотрела на черную старинную отопительную батарею, которая, по всей видимости, была частью дизайнера этого кафе, и заинтересовалась:

— А действительно, зачем эта батарея здесь? — Виктория Сергеевна спросила, чтобы отвлечь внимание мужчины от сумки с деньгами, но сов-

сем не предполагала, что этот вопрос вызовет особый душевный подъем у ее соседа и обрушит на нее такой информационный поток, что она на время забудет, зачем даже пришла сюда.

Мужчина незамедлительно стал рассказывать о стиле и дизайне кафе, указал на уголки зала, напоминавшие закругления в вагонах поезда. Ему принесли яичницу и колбаски, но он, отпивая вино, продолжал свою лекцию. Долгий рассказ о железнодорожной индустрии и эстетике начала века он закончил известными поэтическими строчками «Милый, милый смешной дуралей», которые, по его мнению, отразили стиль эпохи и начала уклада другой.

После этих строк Виктория Сергеевна поняла, что этот господин явно не тот, кого она ждет. Но на всякий случай все-таки спросила:

— Может быть, мы перейдем к более важным вопросам?

— Что вы имеете в виду? — спросил сосед, теперь уже с нежностью педагога воспринимавший Victорию Сергеевну.

— Поговорим о бабле за... — Она сделала небольшую паузу и добавила: — За информацию...

Мужчина в первый момент ничего не понял. Лицо его выражало такое интеллектуальное усилие, что ей стало стыдно. В конце концов, решив, что подобное обращение — это своеобразная форма заигрывания, мужчина, загадочно улыбнувшись, спросил:

— Разве это «творчество» стало называться «информацией»?

После такого ответа Виктории Сергеевне ничего не оставалось, как только сказать, что она неудачно пошутила. Наконец мужчина принял-ся есть. Она поразились невероятной скорости, с какой всё им заказанное было съедено. Увидев недоумевающий взгляд Виктории Сергеевны, мужчина с гордостью объяснил:

— Армейская привычка. И потом, меня отпустили всего лишь на полчаса. Мы тут ведем войну местного значения.

Теперь наступил и ее черед удивиться.

— Где это здесь? — на всякий случай она оглянулась, нет ли среди присутствующих в зале агрессивно настроенных элементов.

— Не здесь, — пояснил мужчина. — А там, — указал он рукой, — за углом. В Союзе писателей. Отбиваемся от очередного рейдерского наскока.

— Кого? — испуганно спросила она.

— Других писателей.

— И сколько эта война продлится? — с явным сочувствием к писательским судьбам спросила она.

— Боюсь, что это не Семилетняя, а Тридцатилетняя война.

— Но ведь страдает литература, — с сожалением произнесла Виктория Сергеевна.

— Литература страдает всегда! — решительно заявил собеседник. — Она либо поднимается на ноги, либо опускается на колени.

— А сейчас она в каком состоянии?

— Она и страдает, и опустила-ся на колени. Однако в таком положении она еще никогда не была. Мадам, мне даже стыдно озвучить эту позу. За седые пряди её схватили и оседлали братки, графоманы и люди без чести и совести. Им кажется, что они патриоты, но на самом деле они поводь-ри невежд и литературных проституток. Они за должность и «тридцать сребренников» готовы сожрать друг друга. Но самое страшное не это. Благодаря этим пустышкам наверх лезет другая нечисть, которая ненавидит не только наших пустобрехов, но и эту страну.

— Подождите, а где же тогда истинный голос этой страны?

— Его пока не слышно, — тихо прошептал поэт, — поскольку это сообщество в литературе не нуждается. Оно, как одноглазый циклоп, поедает самое себя. Когда на прилавке одни детективы, считайте, что стрелочники выполнили свою задачу: самая читающая страна за двадцать лет превратилась в мировое зевло.

— И вы думаете, это надолго?

— Надолго в России ничего не бывает. Как сказал поэт: «Сегодня ты, а завтра я!»

— Ну да, ну да! Так, значит, вы писатель?

— Я поэт.

— А я вас приняла за...

— Я так и понял, что вы меня приняли за «бабло».

Он протянул руку и представился. Прозвучало известное имя поэта, стихи которого она знала.

— Вот не думала, что в этой забегаловке встречу такую знаменитую личность, — сказала она совсем уже спокойным тоном. — Извините меня, я вас приняла за другого человека.

— За кого?

— Теперь это не важно.

Она оглянулась по сторонам и в очередной раз убедилась, что никто к их столику никакого интереса не проявляет. «Неужели ночной звонок был чьей-то глупой шуткой?» — подумала она и почувствовала, как обида захлестывает её. Между тем поэт подозвал официантку, и, расплатившись, напоследок сказал Виктории Сергеевне.

— Вы напрасно это кафе назвали «забегаловкой». В этой забегаловке, между прочим, было создано вот это. — Мужчина стал негромко напевать знакомую мелодию.

— Это, кажется, первый концерт Чайковского, — смущенно заметила Виктория Сергеевна, слушающая абсолютно точное воспроизведение знаменитой мелодии.

— Правильно. И именно в этом помещении, вот в той части его, — он указал на угол у окна, — и был сочинен бессмертный шедевр Петра Ильича Чайковского. И здесь же через сердце композитора прошла мировая трещина. Но это разговор про другое и в следующий раз.

Он окинул взглядом присутствующих в кафе и с горечью заметил:

— Парадокс, люди постоянно окружены историей, не зная, а может быть, и не желая об этом знать. Впрочем, это уже другая тема. Прощайте! К сожалению, я тороплюсь.

Он встал, заложил длинные руки за спину и, продолжая напевать мелодию первого концерта, неторопливо попрощался с официантами и вышел из кафе. Прямая спина поэта мелькнула в окне, а Виктория Сергеевна, еще раз оглядев присутствующих в кафе, решила, что ей пора собираться.

Она рассчиталась с официанткой, еще раз окинула разочарованным взглядом посетителей, на прощание посмотрела на угол у окна, где был сочинен шедевр Чайковского, и пошла на выход к машине. Доставая из сумки ключи, вспомнила, что собиралась заехать помыть машину. После поездки на дачу, чтобы встретиться с Кириллом, ей так и не удалось заняться машиной. Грязь плотным слоем лежала на бампере, колесах и даже забрызгала затемненные окна. Когда она села в машину, неожиданно в переднее стекло постучала пожилая женщина. Решив, что это какая-нибудь провинциалка, не знающая Москвы, она автоматически открыла окно и спросила:

— Что вам нужно?

Женщина цепко оглянулась по сторонам и ответила:

— То, о чем мы с вами договаривались вчера поздно вечером.

Краска прилила к лицу Виктории Сергеевны. Она мгновенно пришла в себя, потянулась открывать дверь и торопливо сказала садящейся рядом женщине:

— Со мной говорил мужчина. И я все это время ждала его.

Женщина радостно хмыкнула.

— Надо было проверить, добросовестно ли вы выполняете договоренность, — ответила она.

— Вы с ума сошли, я не собиралась никому ничего рассказывать. Так что будьте спокойны. Я с нетерпением жду ваши сведения. Где он? Что с ним?

— Где он и что с ним, я не знаю. Но вот как все произошло и на чём его увезли, я знаю. Более того, есть дополнительные сведения, которые могут вытащить всю, как говорится, ниточку. Но вначале нужно удостовериться, что требуемая сумма при вас?

Виктория Сергеевна постучала по сумке и с гордостью призналась:

— С трудом, но я собрала десять тысяч баксов. Небольшая часть в рублях, около двух тысяч, остальные в зелененьких.

Она сама себе была противна за это заискивание, но от волнения и желания узнать хоть что-то о своем муже ничего с собой не могла поделаться.

— Раз деньги с вами, тогда мы сделаем бартер. Но вначале я вам расскажу, где и когда я видела вашего мужа, — не без гордости заявила женщина.

— Скажите хоть, как к вам обращаться? — умоляющим голосом спросила Виктория Сергеевна.

— Александра Петровна, — весомо представилась женщина. — Для того чтобы вы мне поверили, назову место, где ваш муж был в тот вечер. Это метро «Выхино». Так или не так?

— Да, именно туда он поехал в последний раз.

— Ну что ж, тогда добавлю: видела я его на аллее Жемчужовой. Совпадает?

— Совпадает! — радостно подтвердила Виктория Сергеевна.

— Тогда слушайте, как это было.

— В этот вечер я была в этом районе, — таин-

ственным тоном начала женщина. — Не спрашивайте меня, что я делала там, но, в общем, оказалась в этом месте. Было поздно. Наверное, начало одиннадцатого. И вдруг я вижу вашего мужа. Худоватый, лысоватый — намного постарше будет вас. С собой он нес какую-то папку под мышкой. Шел он один. В настроении. Даже подпрыгивал, как мальчишка. Я еще подумала — прямо-таки какой-то сумасшедший. Вдруг сзади остановилась черная машина — вроде вашей, только побольше. Из нее выскочил один человек, набросился на вашего мужа и отнял у него папку. Ваш муж сопротивлялся, и они вцепились друг в друга. В это время машина проехала вперед, из нее выскочил еще один здоровый мужик в маске. Оба они были в масках. Они схватили вашего мужа и затащили его внутрь машины. Вот как это было. Машина тут же уехала.

— И это все? Больше ничего? — в отчаянии воскликнула Виктория Сергеевна. — Вы хоть запомнили номер машины?

— Номер машины я запомнила. Но не только это. Я запомнила и марку машины, и даже лица этих людей, когда они в машине сняли маски. Лица, правда, видела издали, но все-таки запомнила.

— Хорошо, где этот номер? — решительно спросила Виктория Сергеевна и полезла в сумку за деньгами.

— Вначале деньги, а потом номер, — деловито предложила женщина.

— Вот они, — Виктория Сергеевна достала сверток и показала его содержимое.

— Тогда бартер.

И обе женщины обменялись своими ценностями: Виктория Сергеевна схватила листок с номером машины, а женщина стала торопливо пересчитывать деньги.

Каждая из них так была увлечена своим делом, что обе не заметили, как с заднего сиденья поднялся Кирилл с пистолетом в руке.

— Руки вверх! — четко скомандовал он.

Голос прозвучал негромко, но обе женщины от перепуга завизжали.

— А ну-ка, денежки передайте сюда, милейшая вымогательница.

Пользуясь смятением, Кирилл бесцеремонно вырвал сверток с деньгами из рук вымогательницы, и тут же к дверям машины быстро подошли

двое. Это были Глухов и еще один сотрудник следственного отдела. Дверь открылась, и коротко прозвучало: «Гражданка, вы арестованы!» Вымогательницу взяли под руки и молча повели к подъехавшей черной «Волге».

Женщина настолько была потрясена, что не могла сказать ни слова. Только глаза ее, полные ужаса, метались из одной стороны в другую, словно недоумевая, как могло случиться такое. Это была никто иная, как до смерти перепуганная Ольга Васильевна Страхова. Решившая заработать на чужом горе и подговорив своего бывшего сожителя позвонить и договориться об оплате и о встрече с Викторией Сергеевной, она теперь и слова не могла вымолвить в свою защиту. На углу Поварской и Садового кольца за всем происходящим издали наблюдал ее бывший ухажер. Увидев, как его Ольку забрали, он кинулся в другую сторону, не предполагая, что и ему теперь после допроса Страховой никуда не деться от наказания.

Через секунду «Волга» с задержанной уехала, а Кирилл в одно мгновение пересел на место арестованной и торжественно вернул деньги Викторией Сергеевне.

— Господи, откуда вы появились? — все еще испуганным голосом и не веря своим глазам прошептала Виктория Сергеевна.

— Я появился по звонку вашего сына.

— Ах, вот как?! Но ведь вы куда-то уезжали?

— Да, сегодня в семь утра я прибыл из Украины, и первый звонок еще на вокзале был от Игоря. Он мне рассказал, как вы всю ночь собирали деньги, как, не выспавшись, поехали на стрелку к вымогательнице.

— И что же дальше? — нетерпеливо спросила она.

— И тогда был принят план перехвата. Я позвонил жене моего отца — Валентине, она на машине подобрала Игоря у вашего метро, а потом меня у «Баррикадной». До этого я позвонил следователю Глухову и попросил его быть без четверти девять у дома Чайковского. А все дальнейшее вы видели.

— Да, но как вы попали в машину? — недоумевая, спросила Виктория Сергеевна.

— Очень просто. Когда мне позвонил Игорь, я спросил его о вторых ключах. Он сказал, что они лежат в коричневом шкафу. Я попросил захва-

тить их, предполагая, что бартер может быть либо в машине, либо в другом месте, но только не в кафе. Так оно и получилось. Женщину мы заметили раньше. Ее узнал Игорь, она появлялась в милиции и там хитроумно узнала ваш номер телефона. Вот и вся история. Сегодня Глухов выяснит, кому принадлежит машина, номера которой записала задержанная, если она, конечно, не водила вас за нос, и установим имена похитителей, если только машина не зарегистрирована на чужое имя или организацию.

— А где Игорь? — с нарастающим интересом спросила Виктория Сергеевна.

— Он с Валентиной неподалеку, в нашей машине. Ждет вызова.

— Так вызывайте его! — с гордостью воскликнула она. — Он заслужил самый что ни на есть лучший подарок. Сэкономил столько денег своей глупой маме.

— А смелый следователь что-нибудь заслужил? — неожиданно для себя спросил Кирилл.

— Вы тоже заслужили.

Она секунду подумала и быстро поцеловала Кирилла в щеку.

От смущения Кирилл растерялся, забыл, что до этого собирался сделать Виктории Сергеевне соответствующее внушение, и в результате принялся неловко комментировать происходящее:

— Вы, конечно, смелая, даже очень, но... И сделали все правильно... Вот только без наличия поддержки такие операции проводить нельзя. Впрочем, хорошо то, что хорошо кончается...

Затем он достал мобильный, позвонил, и через минуту Игорь в сопровождении Валентины появился у машины Виктории Сергеевны. Счастливая мама вышла из «Мазды», обняла и расцеловала сына.

— Ах, какой ты молодец! А мама у тебя полная...

Она никак не могла успокоиться, долго благодарила Валентину, Кирилла, нахваливала находчивого Игоря и вдруг предложила:

— А что если нам как-то отметить этот подвиг?

Она повернулась к Кириллу и виновато добавила:

— Простите меня, что я доставила вам столько... хлопот. Но я очень хочу отблагодарить вас, Кирилл Вадимович. Без вас я последнее время не представляю, что с нами было бы, — путано объяснила она, ожидая поддержки Валентины и

Игоря. Кирилл, видя смущение женщины, мгновенно предложил выход.

— Виктория Сергеевна, помните, вы мне говорили о художнике, к которому последние дни ездил Алексей Петрович?

— Помню. И что вы предлагаете?

— Поехать к нему, пообщаться и заодно отметить этот подвиг.

— Великолепная идея! — подхватила Валентина. — Нет ничего лучшего, как отмечать подвиги новыми достижениями. Езжайте, а мы с Игорем поедem к нам в гости. Сегодня суббота, мы заберем Агриппину и вместе с ней выберем в какое-нибудь веселенькое место и отметим находчивость нашего Игоря и всех нас вместе взятых.

Валентина была так решительно настроена, что никто не стал спорить.

Проводив Игоря и Валентину до машины, припаркованной за углом у Поварской, Кирилл и Виктория Сергеевна позвонили художнику Святославу Гуляеву. Тот оказался дома и без промедления пригласил их в гости.

Вскоре Виктория Сергеевна и Кирилл уже подъезжали к Фестивальной улице, неподалеку от метро «Речной вокзал». Проезжая местный продуктовый магазин, Виктория Сергеевна притормозила и купила, как она выразилась, на «сэкономленные деньги» выпивки, конфет и двухкилограммовую упаковку пикантного, охлажденного шашлыка в аккуратном белом ведре. Во время покупок Кирилл, правда, попытался по-гусарски взять все расходы на себя, но получил такой отпор, после которого уже не порывался с инициативой. Со всем этим гастрономическим богатством они позвонили в квартиру Гуляевых на первом этаже. Гостей звонким лаем встретила чернявая и старенькая фокстерьерша Доля, нестарая мама и сам художник — совсем еще молодой, невысокого роста, черноглазый, худенький человек, с длинной, негустой шевелюрой, но с подкупающей доброжелательной улыбкой. На нем были джинсы, теплая рубашка и валенки. Художник сразу извинился за свой вид, объяснив, что в его мастерской, которая находится в подвале под его квартирой, прохладно и приходится работать в валенках. Вручив все купленные продукты маме — Настасье Филипповне, оба гостя выразили желание немедленно отправиться в

мастерскую и посмотреть работы Святослава. По круглой металлической лестнице все спустились вниз и очутились в большом, просторном помещении, где по всем стенам и углам были развешаны картины, этюды, какие-то коллажи из металла и дерева.

— Вот здесь я работаю, — широким жестом показал Святослав на обстановку и развешанные картины.

В мастерской было чисто, что сразу заметила Виктория Сергеевна.

— Всем хорошим в жизни я обязан моей маме, — торопливо объяснял хозяин. — Каждый день рано утром она убирает все, что я накурю и разбросаю за весь день. А если у меня гости и мы, чтобы не мешать ей, собираемся в мастерской, можете представить, что здесь бывает и как достается моей дорогой мамуле.

В этот момент сверху раздался громкий голос Настасьи Филипповны:

— Святослав, где накрывать стол — наверху или в мастерской?

Виктория Сергеевна замахала руками и тут же предложила:

— Ну, зачем здесь! Лучше наверху. Мы же не «Охотники на привале». Ведь вы здесь работаете. А потом я вашей маме помогу убрать.

— Мамуля, — радостным голосом отозвался художник, — готовь все наверху.

— А что шашлык? Сразу готовить или попозже? — прозвучало сверху.

— Сто лет не ел шашлык. Готовь сразу, — решительно крикнул Святослав и неторопливо стал показывать свои работы.

Кириллу работы Гуляева сразу понравились. Вначале ему показалось, что Гуляев художник-пейзажист, потому что рядом с маринистскими работами, сделанными на берегу болгарского Черного моря, соседствовали небольшие этюды, написанные на Волге, в лесах Сибири и даже на Камчатке. Но когда Гуляев провел их в ту часть мастерской, где работал и где были развешаны написанные им портреты, сразу стало понятно, что портретист он первоклассный. Гости увидели портреты знаменитых личностей. Особое место занимал большой портрет нового патриарха на фоне храма Христа Спасителя. Лицо патриарха было живым, явно подсмотренным в момент какой-то поле-

мики, и поэтому казалось строгим и непримиримым. Кирилл почувствовал, как возросло нетерпение Виктории Сергеевны, когда Гуляев стал показывать последние работы или только начатые. Почувствовав волнение своей гостью, художник не стал испытывать ее терпение, развернул один из мольбертов и снял холщовую накидку с картины.

Короткий мучительный крик вырвался из груди Виктории Сергеевны. Она подошла к портрету и, сжав руки в кулачки, как-то по-детски закрыла ими глаза, из которых покатались слезы.

Кирилл видел ее разной: строгой, чопорной и даже надменной, но вот такой, по-бабьи несчастной и слабой, не видел никогда. Он не выдержал, подошел и осторожно обнял её, чтобы хоть как-то успокоить. Она резко прильнула к его плечу и еще сильнее разрыдалась. Гуляев потерянно замахал руками, слезы заблестели и в его глазах. Сверху раздался голос матери, и, словно чего-то испугавшись, художник бросился наверх.

— Как он похож! — шепотом пролепетала она. — Потрогать хочется. Даже не верится, что так можно почувствовать Алексея Петровича.

Кирилл предложил ей платок, и она, поблагодарив его кивком, тщательно стала вытирать лицо и глаза.

— Не могу только понять, что за церковь изображена за спиной Алексея? — каким-то не своим, хрипловатым голосом спросила она. — Ведь они встречались здесь, в мастерской?

Она еще раз внимательно посмотрела на портрет мужа и вдруг призналась:

— Я его боюсь, мне кажется, что он меня осуждает. Пойдемте наверх, — попросила она Кирилла, — меня всю трясет, к тому же здесь прохладно.

Наверху Настасья Филипповна уже заканчивала накрывать на стол. На газовой плите жарился шашлык, и характерный запах все больше наполнял кухню. Они сели за стол, не переставая обмениваться впечатлениями после увиденного в мастерской. Мужчины выпили коньяку, а Виктория Сергеевна отведала морса, приготовленного хозяйкой дома. На столе было много солений Настасьи Филипповны. Особенно удачными оказались маринованные огурцы, которые пробовали наперебой.

— А как Алексей Петрович воспринял портрет? — неожиданно спросил Кирилл.

— Самим портретом он был, кажется, доволен. Но, к сожалению, в окончательном варианте его не видел. Вы ведь знаете, что Алексей Петрович с оценками не торопится. Потом мы сразу договорились, что это будет не чистый портрет. Несколько раз обсуждали, что должно быть фоном. Ему нравился портрет патриарха на фоне храма Христа Спасителя. Однажды он обмолвился, что, когда был в Америке, его любимым местом был Джорданвилль, этот Китеж-град зарубежной Руси, на последних сеансах он часто говорил об этом месте. Мечтал побывать там с семейством.

— Да, это было нашей мечтой — съездить когда-нибудь вместе в Джорданвилль, — отозвалась Виктория Сергеевна и попросила продолжить рассказ.

— Однажды, кажется, это была предпоследняя встреча, он привез одну фотографию. На ней на заднем плане были видны колокольни джорданвилльских церквей, ближе река, а впереди — согнутая облучком ветвистая береза, словно прикрывающая своим телом город. Когда я к последней встрече набросал фон, развернул и дорисовал фигуру Алексея Петровича, уже опирающуюся на березу, ему это очень понравилось. Он даже заметил, что сегодня он с этой поваленной березкой — последние защитники джорданвилльского Китеж-града. Мы договорились о новой встрече. Я все закончил, а он в назначенный час не приехал.

Художник некоторое время помолчал, посмотрел на гостей и продолжил другим тоном:

— Я позвонил домой — никто не ответил. А через несколько дней из газет я узнал, что Алексей Петрович исчез.

Последнее слово повергло всех в грустное состояние, и на короткое время воцарилось молчание. Неожиданно подала голос Настасья Филипповна:

— Когда он приезжал к нам, я ходила на цыпочках. Глаза у него были строгие, словно он чего-то знал такое, о чем надо молчать. Если уж я волновалась, то каково было тем, кто знал его по работе или ближе. Как вам жилось с ним, милая Виктория Сергеевна?

— Жили мы душа в душу. Последние полгода

он работал над книгой. А это особое состояние. В такие периоды человек замкнут на внутреннем мире. Мы как могли помогали ему. Я доставала материал. Старались не шуметь. В его комнате слышен был только тихий гул компьютера. Вы правы, Настасья Филипповна, и мы с моим сыном ходили на цыпочках. Но как только он отрывался от работы, это был добрейшей души человек, любил почаевничать, иногда выпить коньяку да и вообще пошутить на разные темы. В последнее время он мало куда выбирался, разве вот к Станиславу ездил охотно. Видимо, чувствовал что-то. Видите, захотел, чтобы остался такой портрет, да еще на фоне любимого места. Сколько в этой работе недоговоренности, любви и тайны. — Виктория Сергеевна замолчала и, пересилив себя, заговорила, теперь уже обращаясь к художнику.

— Станислав, если вы согласитесь, я охотно купила бы этот портрет у вас. Деньги у меня, к счастью, появились. Не исключено, что именно для этого случая.

Станислав оторвался от еды, растерянно посмотрел на всех и, вздохнув, заговорил горячо и порывисто:

— Что вы такое говорите, Виктория Сергеевна? Я так горжусь дружбой с Алексеем Петровичем, что не позволю и рубля взять за эту работу. Я её дарю вам и буду рад, что она будет там, где живет память об этом великом человеке.

— Значит, я могу её сегодня забрать? — обрадовалась Виктория Сергеевна.

— Конечно, забирайте хоть сегодня.

— Спасибо вам, дорогой Станислав. Если бы вы знали, как мне сейчас это поможет. Я так счастлива.

Она со слезами на глазах посмотрела на всех, но уже через секунду радостная улыбка засияла на её лице. Видно было, что и художник доволен своим человеческим порывом. Он разлил коньяк и с удовольствием предложил выпить за здоровье Виктории Сергеевны. Встреча затянулась. Когда закончилось застолье и Виктория Сергеевна, как и обещала, помогла все убрать со стола, они еще раз спустились в мастерскую, где художник аккуратно завернул портрет и торжественно передал его в руки гостыи. Когда они прощались, Гуляев придержал за руку Викторю Сергеевну и сказал:

— Но одну вещь я с вами все же оговорю, Виктория Сергеевна: если картина понадобится для моей персональной выставки, я надеюсь, что вы её мне уступите на это время?

— О чем вы говорите! Конечно! Я счастлива, что такую замечательную работу будут видеть зрители и почитатели Алексея Петровича.

— И последнее, — заметил хозяин дома, — знайте, я верю, что Алексей Петрович жив и что мы скоро об этом узнаем.

После этих слов Виктория Сергеевна не удержалась и порывисто поцеловала его в щеку.

Положив подарок в машину, Виктория Сергеевна завезла Кирилла домой и забрала сына, который только что вернулся с Валентиной и Агриппиной с прогулки в Шереметьевском парке. Когда Кирилл прощался с уже севшей за руль Викторией Сергеевной, он, между прочим, спросил:

— Виктория Сергеевна, а когда намечалась ваша поездка в Джорданвилль?

— Вначале мы хотели ехать на Новый год. Но потом Алексей Петрович стал торопиться и готов был выехать хоть в ближайшие дни.

— А почему он так торопился?

— Не знаю. Он ведь не все мне говорил. Много я понимала позже или догадывалась случайно. Но знаю одно, рвался он туда очень. Вы когда-нибудь были в Джорданвилле, Кирилл Вадимович?

— Нет.

— Надо туда съездить. Это особое, святое место. До свиданья. Звоните или лучше заезжайте к нам. Мы всегда будем рады видеть вас. Спасибо вам, наш спаситель!

Кирилл улыбнулся на «спасителя», помахал рукой Игорю, и машина тронулась.

В этот момент у Кирилла зазвонил мобильный телефон. Это был Глухов.

— Марков, мы узнали, кому принадлежит машина, — послышалось в трубке. — Это правозащитная организация «Свобода без берегов».

— Где она находится? — обрадовался Кирилл.

— Находилась в Москве. Но перестала существовать на следующий день после исчезновения Самарина. Есть косвенные сведения, что организация передислоцировалась на Украину. В общем, путаная история, будем разбираться, дадим запрос в Незалежную.

— Хорошо бы скорее размотать, а то вдруг и оттуда смоятся.

— Не смоятся. Там у нас есть, кому заняться. Я уже позвонил. Как только что-нибудь прояснится — сообщу. Ты когда на работе?

— Часа через два, надо готовить отчет.

— Тогда до встречи.

— До встречи.

Кирилл поймал такси и поехал на службу.

(Окончание следует)

□

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ —

писатель, режиссер, драматург, заслуженный артист России.

Окончил театральное училище им. Щукина в 1966 г.

С 1966 по 1977 г. был ведущим артистом Московского театра на Таганке.

Несколько лет возглавлял академический театр им. Лермонтова в г. Алма-Ата.

Как главный режиссер поставил более пятидесяти спектаклей.

В 1973 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор восьми романов и сборника пьес.

По его роману «Семя Отечества» вышел телесериал «Репортеры».

Многие годы ведущий телепередачи «Искатели» на «Первом канале».

Секретарь правления Союза писателей России,

ответственный секретарь Московской городской писательской организации.

В журнале «Север» публикуется впервые.

